

ЗАЩИСКИ

ШКОЛЯРЯ-ПУТНИКА,

относящихся до

ГАЛИЦКОЙ РУСИ.

Изданъ

ВЪ ИВАНОВИЧЪ,

ЛВОВЪ

Типомъ Института Ставропигійскаго
1861.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

CHICAGO, ILL.

1967

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

1967

ЗАШИСКИ

ШКОЛЯРЯ-ПУТНИКА,

относящіяся до

ГАЛИЦКОЙ РУСИ.

Издавъ

Ф. ИВАНОВИЧЪ. [pъснѣ]

Bilous Teodor [nasw]

Л В О В Ъ

Типомъ Института Стауропигійского
1860.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

PHYSICS 309

LECTURE NOTES

1955-56

Z

(1955)

PHYSICS 309

LECTURE NOTES

1955

Отъ самойюно сти мой чулъ емъ якуюсъ ненасыщенную жажду шось нового видѣти, особенно въ отноше-
нiю топографическомъ. Тая жажда тѣмъ больше возра-
стала и силлась, чѣмъ больше до лѣтъ приходилъ емъ и
чѣмъ больше разовъ живленною была видѣнными уже
предметами. Дабы вже, якъ то кажутъ, бѣды спекатися
былъ мой родичъ часто принужденъ, въ своихъ выѣзд-
кахъ мене съ собою брати; кѣлька бо дней прежде ну-
дилъ емъ всегда моими прошенiями безпрестанно, но бу-
дучи во прочемъ послушливъ, найчастѣйше мои просьбы
увѣнчаны отъ отца бывали. Оденъ лише разъ, памя-
таю якъ нынѣ, когда дальшая дорога отцу предстояла,
всѣ мои просьбы безовощны зостали, а я похиливши
голову лишился домѣвъ. Черезъ цѣлыхъ четыре дней,
въ которыхъ родитель отсутствовалъ, ходилъ емъ съ спу-
щенной головою, съ влѣпленными въ землю очима, сум-
ный и жалбючiй, мовъ молодець въ самѣмъ весны за-
раню любку свою пострадавшiй, — блукаючися по саду
то по лузѣ, въображаючи себѣ въ головѣ всю дальнюю

дорогу, маляючи ясними красками города и села, о которыхъ зъ оповѣданья слышала емь, и которыхъ видѣнія лишень былъ емь. Тая любопытность не умалилась даже и тогда, коли и торговельный городъ Броды и самую столицю Львѣгородъ узрѣлъ емь; поученіями бо географическими розтвирался мнѣ новый свѣтъ идеальный, а любопытность врожденная новымъ кормомъ тѣмъ бѣльше тучилась. Неразъ выдрапавшиися на гору высокимъ замкомъ зовимую, оное сѣдалище русскихъ князей, поглядалъ емь съ якимсь особеннымъ чувствомъ на около себе, но найдолше затрмывался взоръ мой при синѣющихся въ даль горахъ Карпатскихъ, которые въ погодномъ дни мовь хмары изъ за горизонта вылазять. Цѣлая прекрасна окрестность лежала розпространена передъ мною; многи мѣстечка а еще множайшия села представляются зрѣтеливи изъ сей точки, особенно ко сѣверному востоку видны мѣсточка: Куликовъ, Кукизовъ, Яричовъ; даже за Бѣлый камень, недалеко Золочева, сягаеть взоръ, и ажъ на Верховникахъ операеться.

Тутъ мала фантазія пространное мѣстце куда погуляти отъ Львагорода — до верховинъ Бескида, маляючи себѣ при кождый возвышенной бѣляющейся точцѣ то городъ яковый, то палату, то монастырь. И всегда

злазилъ емь зъ горы съ тою гадкою, кобыто можна коли
оныи стороны звѣдати!

Отъ года 1848, отъ славного воскресенія на-
родного нашего, родимая земля во многихъ лице
свое перемѣнила. Нашъ любезный народъ, троненъ изъ
высочайшего храма, где новое житъе Руси проколосось
къ дѣланію, очувѣлъ и двинулся сильно, мовь левъ спи-
наясь на каменныи утесы, неважаючи що исполинскіи
зломы его шествію препятствуютъ! Моя жажда звер-
нулась теперь больше ко родимымъ странамъ, понеже
въ школахъ на родную ниву не великое вниманіе звер-
ненно было и даже черезъ послѣдніи лѣта читаніемъ вре-
ме вописей съ географією русской краины познакомилъ емься.
Предиринялъ емь себѣ звѣдати Галичину вздолжь и попе-
рекъ, но понеже цѣлое имѣніе школяра капота, чернильница
и кѣлька книжокъ составляютъ, мушенка же не дуже тя-
жила: протое рѣшилъ емь ся лучше собственной силою пу-
ститися въ дорогу, якъ съ повощиками въ дѣло входить.

И вже тѣшусь на передъ различными видами то ву-
жокрутыхъ струевъ и шумящихъ потоковъ родинныхъ,
то синеватыми чубами верховинъ Бикидскихъ, то без-
мѣрными степами и непрезрѣнными ланами изъобильного
Подоля; ужь не слышу звукъ спѣванокъ народныхъ и раду-

юсь сближающимся временемъ вакаціи, въ которыхъ плянъ мой осуществитись маѣ. Но тяжкая болѣзнь овладнула мною и продолжалась ажъ до послѣднихъ дней Октяб. Тышь часомъ ляцка комедія перемѣнилася въ трагедію.

Въ Ноембрѣ загремѣли ужасно пушки въ Львовѣ гогочащи на всѣ стороны послѣдному движенію Ляховъ на нашей Руси похоронную пѣснь а звукъ ихъ ажъ до границъ чути було. Ляцка партія, которая роты себѣ роздерала выкрикуючи по рынку: „*Niech żyje Polska w dawnych granicach!*“ пошла въ розсыпку, многіи лыцари ея повергли оружіе то до нужниковъ, то до копановъ, (якъ то при строенію дома народного кольца рушницъ найдено); Академія, претворенна въ кошару гвардіи бѣло-орлестои пошла съ дымомъ, а вежа ратушова пламенѣла высоко въ воздухѣ якъ столпъ огненный, присвѣщала якъ факля погребальная разрушенію неправедного усилія ему провзшествію наслѣдовало оголошеніе крайны нашей въ станъ обложенія, въ слѣдствіе которого всякое странствованіе препятствованымъ было, а такъ и я свою гадку залишити принужденъ былемъ на нѣкое время.

Но 1815 года пріобрѣвши искренного друга возбудилась она гадка сновъ. Неразъ до полночи розмавлялисьмо то о нуждахъ, то о гоненіяхъ нашего народа,

то о успѣхахъ, яковыи черезъ кѣлька остатныхъ лѣтъ сдѣлалъ, и внутрь тлѣющая, николи неугасающая жажда снова разгорѣла. Зваживши тое, що оденъ человекъ и на все вокругъ себе вниманіе звернути не можетъ, ни кому ся удѣлити ни съ кимъ сочувствовать маеть, а до того въ различныхъ обстоятельствахъ даже опасно есть одному пускаться въ свѣтъ—зваживши все тое, предпринялисьмо себѣ оба съ 1. днемъ Августа пуститись въ дорогу. Уже и планъ странствованія уложенъ былъ; хотѣлисьмо изъ Львова впрость на югъ стремитись къ горамъ, а дотекши горъ черезъ цѣлое на смо горъ Бескидскихъ погуляти, сходячи денекуда въ долину для посѣщенія важнѣйшихъ городовъ и достопамятныхъ мѣстцъ, и такъ задибати ажъ до предѣлъ Галичины до Бѣлои, зъ оттамъ удатись въ Краковъ, потомъ черезъ Тарновъ, Решовъ, Перемышль въ Жолковскій и Золочевскій округъ, а еслибъ времени стало и дальше черезъ Подолье кругъ путешествія дополнити. Уже були и гроши счислени, къ сему дѣлу необходимы, понеже хотѣвши и мазурскіи стороны перетяти, не всюда можъ надѣяться было съ рускою гостивностію сходитись; ба вже малисьмо ити за скоранными торнѣстрами обозрѣтись, якъ голосъ родительскій старенькой матери, хотячой хоть разъ еще узрѣти сына своего, покликать моего

будущого спутника въ иную сторону, а такъ я самъ лишился съ планомъ въ рукахъ, съ жалостію въ сердцю якъ на ледѣ.

Въ первомъ возмущеніи подеръ емь планъ уложенный въ кусники и пустиль съ вѣтрами на все стороны ярясь на обстоятельства, которые вже колька разовъ мои намѣренія уничтожали.

Но тверда русская воля! Руссъ можется на якійсь часъ отъ своего намѣренія воздержати, но розваживши разъ добре предпринимаемое, не дастся ніякими препятствіями отъ предначертанного пути отвлечи; мужественно побѣждаетъ всякіи перепоны, якъ пѣсня голосить,

Черезъ воду можна вплавъ

Черезъ гору перескочь.

И дальше

Осталь, звязалъ манатки, схопивъ за лѣску, и за колька годинъ узрѣлся вже за Львовомъ, ругаючися всякимъ не по собіямъ. Повощикъ, съ которымъ пустиль емь ся въ дорогу, былъ то соляръ изъ Лѣсовиць, села о двѣ миль отъ Стрыя отдаленного. Зъ початку начался дорожити, но въ дальшомъ розговорѣ познавши въ менѣ своего соотечественника, онъ присталъ на мѣрной цѣнѣ, говорячи: Та вже то лучше съ своимъ Христіяниномъ згодитися якъ съ Жидомъ або Ляхомъ! — Такихъ соляровъ

можно полно напытати въ Львовѣ на площади Театральной Они суть зъ окрестныхъ селъ отъ Калуша, Долины, Болехова, Дрогобича, где суть соляныи банѣ, набирають въ тыхъ городахъ соль горманами или товпками и везуть ю до Львова, останавлиючися на реченной площади; а если тутъ имъ торгъ не корыстно иде, то розвозять и по поблискихъ мѣсточкахъ, якъ Наварія, Куликовъ, Ярычовъ, а назадъ вертаючи въ порожиѣ, охочо берутъ подорожныхъ. Выѣхавши за заставу, перекрестилъ емъ ся тричи и помолился о благопоспѣшествѣ въ дорогѣ предпринятой; Русинъ бо всяко дѣло съ Богомъ начинаеть, и еще изъ молодыхъ лѣтъ памятаю, якъ родичъ мой всегда, коли только выѣхалъ куда, нимъ зъ мѣстца рушилъ, передъ коньми крестъ батогомъ на землѣ начерталъ.

Зъ початку весело ѣхалъ емъ поглядаючи до кола на плодоносныи поля, которыи сего года рослымъ, въ хлопа сягающимъ збѣжемъ пріодѣлись, и надежду богатого жнива въ земледѣльцу возбуждали; то сновъ оглянувшись колька разовъ въ задъ прашалъ емъ ся съ исчезающимъ за мною Львовомъ, который вже совершенно въ свою котлину скрылся и тѣлько велелѣпный храмъ св Юрія, выдрапавшійся на значный холмъ господствующи цѣлому городу и сіяющій далеко на всѣ стороны, и башня ратушня вылѣзающа изъ своего удозія видны были

и радовалъ емь ся, що вже изъ муровъ вилѣлъ смь и свободнѣйшимъ воздухомъ дыхати началъ: но когда подумалъ емь, що почти каждый зъ моихъ соученниковъ въ кругъ родины поспѣшилъ або теперь спѣшитъ, а я чѣмъ разъ дальше отъ моей родной хатинки отдаляюсь, що Богъ вѣсть, якъ моя семья поживаетъ, и що моя теперьшна дорога, будучи на югъ зверненою, чѣмъ разъ больше въ цѣлкомъ противну сторону мене отдаляетъ, оболяла туга мое сердце. Поглянулъ емь, ще разъ къ сѣверу, куда мои сродники, знаемыи и други обертаются, еще тѣлько обѣ Львовскіи горы синѣлись за мною.

Солнце халилось къ вечеру. Мы минали вже Соломку, первое село на мурованой дорожѣ. Есть то истинна Соломка: въ нейбо не тѣлько дахи, но по большой части и цѣлыи хаты суть соломянныи лишъ зъ верху глиною облѣпленны. На перве воззрѣніе здраджають нищету, внутрь ихъ мѣсташуюся. Таи нищета есть участіемъ почти всѣхъ къ Львову присунувшихся сель; жителѣ бо тыхъ же несутъ все, що тѣлько дастся нести, въ Львѣвъ. Тутъ продавши е, обыкновенно одержанный грошь такожде пропускають, не приносячи въ домъ ничего, кромѣ обварѣночка для дитины и тое, що зъ мѣстца не можъ вынести, достается въ руки певѣрнаго Еврея, если газда засмаковалъ вже добре сего яду, а такъ и домъ и грунтъ

вандшуютъ въ ненасыщенную мушенку Львовскаго корчмаря, всегда готового пользоваться подобными случаями, а селянинъ безуменъ лишается послѣднаго кусника, гдѣбы могъ главу преклонити и принужденъ скоро опускати прадѣдную загороду, которая тркъ много кервавого пота праотцевскаго выпила. Теперь ажъ очунѣвае паниця, но уже запѣзно; немилосердный Жидовинъ ничо незважачи выпераетъ а отягающогося и бучкомъ выганяетъ изъ батькѣвщины, безумному ликунови не остаесъ ничо иного, якъ тѣлько выломати патикъ зъ плота, (если еще яковый достоялъ и если Жидъ изволятъ) и взявши жену за руку а дѣти на плечи цѣлкомъ переселитись въ Львовъ та мѣсто замѣтати або смѣтя зъ жидовскихъ улицъ вывозити. Се часто случается въ поблискихъ селахъ.

Якъ великое поже представляется здѣсь для Христои человѣколюбиваго священника; якъ пространная, хвастомъ и бодакамя занечищенна нива ожидаетъ его попеченя! Тутъ то дѣлати, тутъ всѣми силами старатись подобаетъ, дабы народъ сей поблискій отъ сего поврежденія нравственнагои сцѣлити! Округъ Львовскій смѣло можъ сказати, стоитъ на найвысшомъ злонравія между всѣми округами на Руси. Дивнымъ и непонимаемымъ будетъ то не одному выдаватись, а однако въ самомъ дѣлѣ таковое есть состаніе. Перейди цѣлый округъ село отъ

села, а не знайдешь тутъ школы, ни церкви оказалой, якоѣ должнобъ ожидать по жителяхъ надивившихся до волѣ на величественнїи и вкуснїи Львовскїи храмы. Но за тоє сіяетъ пекло туземное, возлюбленная корчма, далеко за кѣлька миль. Сїе нещастье заставляетъ истинного народолюбця ревно заплакати и слезнїи очи отъ сихъ нужденныхъ сторонъ отвернути! Но вернѣмъ назадъ до нашей дороги. По Соломцѣ нѣтъ ни одного села, которое бы дорога мурована претинала, ажъ до самого Николаева. Тѣлько по обѣмъ сторонамъ пересуваются предъ очима переѣзжающаго то долги, то коротшия села. Заразъ за Соломкою лишаетъ подорожнїй по правой руцѣ село Сокольники. Но послѣмъ дальше взоръ нашъ отъ дороги. Тамъ къ южному западу бѣлѣется щось на мѣрной возвышенности, а лучи состарѣвшагося сонца измѣняютъ оную бѣлость постепенно, придаючи ей чимъ разъ больше червеной краски. Се есть городокъ Ширецъ. Голосъ помѣшанный, которїй за нами роздался, перервалъ долшое розглядиванїе мое. Сей голосъ, или лучше гаморъ безпорядочнїй происходилъ отъ гурмы поселенцевъ нѣмецкихъ, вертающихъ изъ Львова мѣстачися безладно на возѣ. Они пѣли яковїисъ чи то пѣсни, чи Богъ вѣсть яковїи барашки, которыхъ гармонїя въ моимъ, хотя немускальномъ уху не наилучше

ся выдала. Се не руска пѣсня, заговорилъ емь до
мого селянина, се подобне геганю гусокъ, во-
женныхъ на пейсахъ до Бродовъ на зако-
ленье! Оденъ изъ колонистовъ, между прочими отличаю-
щійся, которому толстость (тучность) поваги додавала,
затялъ шимлѣ батогомъ и покрикуючи такъ сильно: гойтъ!
гойтъ! що всѣхъ совокуцнос пѣніе заглушилъ, погнался
якъ вѣтръ, насилая на насъ темную хмару возмущен-
ного пороуху, такъ що разомъ побѣлѣлисьмо, а мой по-
вощикъ ему за тое триста рогатыхъ чорныхъ на лобъ
послалъ.

Между тѣмъ миналисьмо села посторонныи по лѣвой
сторонѣ: Раковецъ, Новесело, Красовъ, Бродки, Поляна,
Глуховецъ и Тростинець; а по правой: Сокольники,
Хрусно, колонию Линденфельдъ, Люблян.

Вже началось темнѣти. Мы ѣдемъ тай ѣдемъ про-
сто рѣзанною дорогою каменною. Туга за родиню,
котора представляніемъ розличныхъ видовъ перервалася
была, начала сновъ вертатися стискаючи за сердце (пер-
вый бо то разъ выбраьемъ ся въ далекий путь, а въ та-
комъ случаю насуваюются розличны сумныи гадки на умъ,
ци застае челоуѣкъ всѣхъ своихъ при житю и здо-
ровлю, повернувши, може челоуѣкъ не дождае бѣльше

оглядати родинную стрѣху, може где въ дорозѣ погине? и проч.

Такъ не будучи на виѣшніи предметы зверненъ, отдавалъсь ся полюбнымъ гадкамъ сомнѣтельнымъ, якъ раптомъ встрясенъ возомъ поглянувши на правую сторону узрѣлъсь щось чорного на бѣлой дорозѣ движущогося. Доѣхалисьмо близше и лѣзе мальчикъ перекидаючися якъ качка зъ одной стороны на другу и операячися о кавалокъ патыка. А где ты такъ лѣзешь, запиталъсь мальчика? На що менѣ отвѣтилъ. До дому на вакаціи. Но почкайже, колись шлоляръ, то ходи сюда! Малый едва змогъ вылѣзти на вѣзъ: Жвавый то козакъ буде зъ него, подумалъ емь, коли такъ утомившись, що ледва ногами плютати можетъ, а таки своего доконати хоче! Всѣвши началъ повѣдати, якъ ныѣ зъ рана на испытѣ добре отвѣчалъ и хорошую клясу получилъ; яжъ выйшовши о полудне изъ Львова, намѣрялъ на ночь до матери загостити, но якосъ скоро смеркатись стало, а онъ змордовавшись гадалъ вже гдесъ нибудь при дорозѣ лягчи; що вже отъ давна отца липился, а еслибъ той жилъ, то не былъ бы принужденъ такъ трудитися. И скоро заснулъ твердо якъ неживый.

Вонъ отъ мене журбы та туга! Се малый козачокъ не долшій якъ полтора локтя, а пускаеся пѣль нѣчь

въ дорогу, а щожь я, который черезъ 15 лѣтъ вже може зо тридцять фунтовъ пороху школьного скушалъ, я маюся журити або тужити? !!! Анужь пѣсни, щосьте занѣмѣли, вылазѣтъ изъ торбы! И розвеселившись за-спѣвалъ емь на цѣле горло возлюбленную мнѣ пѣсню: „На долинь при Чегринѣ“, а отгомонъ все повтарялъ: дзень, дзень, дзень! Потомъ слѣдовала и друга и третья, якъ обыкновенно бывае, если человекъ розъохотится; одну не сконьчить, а друга вже въ зубы лѣзе. Не запо-мнульемь и на: „Слава наша козацкая“ и на: „Гей я козакъ зъ Украины“, которая то остатня мою веселость ново-набыту еще на высшій степень поднесла, особенно строчками, такъ живо веселость жаркого козака изъ-ображающими;

Нигди въ житю не заплачу,
Гучу, кричу, граю, скачу!!!

Между тѣмъ здалека сіяющіи свѣтла, приблизились къ намъ. Мы вѣхали въ Николаевъ.*) Перше, що мнѣ въ

*) Николаевъ лежитъ на мурованой дорозѣ 4 милѣ отъ Львова отдаленный. Есть то, если ся не мило, единственный городокъ на цѣлой австрійской Руси, где Евреямъ не слободно дома набывати, Заразъ показуеся вліяніе свободности мѣщановъ отъ невѣрныхъ на ихъ имѣнія. Съ похвалою бо изречи можно, що здѣшніи горожа-не 100 р. ср. на церковь и домъ народный въ Львовѣ изъ громадской касы опредѣлили, не числячи складокъ поединчихъ лицъ.

очи вдало, былъ то каменный, якъ на такой городокъ досыть значный домъ о одномъ повершин; есть то домъ гостинный помѣщика. Теперь пробудился нашъ малый козакъ мацаючи въ коло себе за шапкою, котора ему была зсунулась въ ноги. Насунувши шапку на голову подяковалъ красно за подвезеніе тайъ скочилъ изъ вѣзъ мовлячи, що село, куда намѣрае, зъ боку отъ каменной дороги лежитъ. „Бывай здоровъ, та учися добре” кликнулъ емъ за нимъ и скоро зникъ помеже домами. Мой повощикъ началъ съ фѣрами своихъ сотрудниковъ, которыи его на дорогѣ догнавши были, делиберовати, чи мають дальше ѣхати, чи здѣсь почовати. Стало на томъ, щобъ въ дальшую дорогу пуститися. А такъ я хотячи нехотячи попрощалъ емъ ся по темки съ Николаевомъ.

Изъ Николаева веде дорога на небѣльшую гору, изъ которой въ погодномъ дню можъ невооруженнымъ окомъ синѣющіися Бескиды видѣти. Зъ горы спускаеся дорога до Розвадова, который красно по надъ Днѣстеръ протягнулся. Еще передъ Розвадовомъ видно было щось якъ стаяку въ далѣ розвинувшуюся. Но ажъ теперь минаячи Розвадовъ узрѣлъ емъ по первый разъ величественный Днѣстеръ, сію царницю струевъ родинныхъ, роспространившуюся далеко по обѣхъ сторонахъ, представляючи непрезрѣмое для ока море. По немъ видѣти можъ

несчисленные острова, которые купки деревьев формируют; стьрты и стѣжки плаваютъ какъ корабли по Океанѣ, а плоскобережный Днѣстеръ тече зѣ тиха къ рускому морю. Мой повощикъ стануль гдесъ въ самой половинѣ рѣчки конѣ наповати. Я схопившия зѣ воза сталъ емь надъ водою опершия о поручье, которое зѣ обохъ сторонѣ греблѣ до самого конца построено есть, тай началъ думати думку. Въ томъ выйшолъ мѣсяцъ изъ за хмары и посеребрилъ своимъ миленькимъ свѣтломъ все докола мене. Рыбки плюскались свободно ничѣмъ неспошены, ту и онде хлюсне сумъ хвостомъ, перерываючи тишину необыкновеную, було бо ще гдесъ коло полуночи, а кружащая земляца залелѣяла всякое дыханіе въ глубокой сонъ! Тымъ видомъ чародѣйнымъ восхищенъ занутилъ емь нашу народную пѣснь:

Где Сянъ, Днѣстеръ, Бугъ реве,
Порогами Днѣпръ трясе:
Ой на, на; Ой на, на,
Тамъ есть руска отчина!!!

А ехо стократне отбивалось отъ Розвадовской горы, выкривляючися все: на на, на! на, на, на!!! И сновь утихъ емь и заблукалъ емь ся въ думку:

Днѣстре предолгий, рѣко величава!
Друже нашъ миленькій!

И надъ тобою гомонѣла слава
Всеславной русской неньки !!!

Днѣстре ты рѣко родима премила
Жизнотворяща русскіи краины,
Чись въ время ига вѣкового сна
О щастью русской родины?

Днѣстре! Ты друже сумненькій, тихенькій,
Якъ бысь влюбился въ древнюю думу,
Ты якъ рускій народъ благій и мирненькій
Плывешь безъ всякого шуму.

Но помноженный водами зъ горъ
Ростешь въ великую силу
И заливаешь далекій просторъ
Неся все, щобъ ты пнило.

Днѣстре пресильный! кобъ ты былъ взыгрался
Вносясь высоко — высоко,
И гибельно врагамъ на главы розлялся.
Похороня ихъ глубоко — глубоко !!!

Тобъ мы не были доселѣ бѣдны,
Житьебъ не было тяжело:
Вже бысьмо давно прійшовши до сили
Жили свободно, весело!!!

Повошикъ напомнулъ, що нужно вже дальше ѣхати, вже
бо конята не тѣлько спочали, но и перекусили добре; а
такъ я, пославши съ пробуждающимся вѣтромъ восточ-

ной, одноплеменной брати цѣлованіе „Миръ Вамъ братья всѣмъ приносимъ” и запѣвши ще разъ громко: „Где Сянъ, Днѣстеръ, Бугъ реве,” а разомъ препоручивши велелѣпному Днѣстру (Порогами Днѣпръ трясе) дабы брату своему, Днѣпру славутному, стрѣтившись поздравленіе отъ мене отдалъ: сѣлъ емь на возъ и оглянувшись ще разъ, потарахкалъ дальше. Но не скоро еще скончились воды; вже три четвертовыхъ столповъ начислилъ емь на греблѣ, а вода ще дальше сягала. Воздухъ на греблѣ былъ такъ унылый и гнилью дышущій, щомъ боялся, дабы морской фебры не достати. На вопросъ мой, ци ту всегда такое повѣтре нездоровое, сказалъ повозчикъ; що тѣлько тогда, якъ розлієся въ время сѣножатвы, происходитъ бо тое изъ гніющей наши.

Ци оный воздухъ унылый, ци таки поздна пора навели на мене дрѣмоту, которая мало помалу въ твердый сонъ перейшла такъ, щомъ даже тогда пробудился, якъ мой повозчикъ вѣзжалъ до корчмы черезъ страшенно высокій порогъ, который мною такъ затормосилъ, що моя ошяготѣла голова обѣимъ драбинамъ сердечное челобитье отдала а я гѣлько рукою по челѣ поѣхалъ, якбы хотѣлъ муху сполосити и прикрившись буркою заснулъ емь снова. Ажъ зрана показало мнѣ зеркало нехлюй-

ного Еврея слѣдствія, челобитія. Были то два рослы червоныи роги, зъ подъ скоры продиравшіися! не выйде то на сухо и корчмѣ. Вотъ, най каждый пробжжающій зъ далека отъ ней сторонитъ! И я ю для лѣпшой памяти заразъ рано зятягнуль на п перъ. Лежить по лѣвой сторонѣ дороги вѣдучи изъ Львова въ Стрый, на той точцѣ, где побочная дорога въ Роздолъ (поблизкій городокъ о милю отстоящій) ведущой, изъ тракту сходитъ. Стережикся каждый того трясавища-корчмища!

Добре, що чедалеко было до дня, та роги не мали часу бѣльше урости. Выйшовши на дорогу узрѣль емь веда текущу студенну. Обмивши дѣбре чело, и приложивши кѣльканадцять разовъ змоченый платокъ, стухли правда роги, по червоныи плями такой лишились, которыи миѣ тѣмъ бѣльше не въ смѣкъ были, понеже выбераючиися въ путешествіе, мое долгое волосье выгоды ради въ Львовѣ лишилъ емь.

Повелѣвши повощику сбиратися а вѣхати, поѣшолъ емь на передъ, хотячи перейтиса троха. Ранокъ былъ красный. О сходѣ соньца збилися были хмары Дивстровыи на востоцѣ въ гору, но за недалгій часъ зачалися розсувати; а поднявшоеся соньце прозрѣло благотворными своими лучами на землю, розвеселяючи всякую тварь. Поранокъ вливае обыкновен-

но новую жизнь въ составы Ловька, возбуждае въ немъ веселость питая внутри его надеждою успѣховъ нового дня.

И я забывши на вчершій приключеніе, и выгукуючи то ту, то оую спѣванку, весело пропилъемся впрость дорогою. По пути вствѣчалъ емі селянъ, везущихъ сѣль зъ Дрогобычи въ возахъ, соломяными матами покрытыхъ. Ихъ дорога въ Львовъ не туда иде, но когда Днѣстеръ свое русло розширяе, тогда они принужденны мурованною дорогою ажъ на Стрый ѣхати, дабы такимъ образомъ безопасно черезъ Днѣстеръ переправитися; въ такомъбо случаю перевозъ на рѣцѣ въ, куда простая дорога веде, невозможнымъ стаеся. А такъ они въ мѣсто 7, 13 миль робити мусятъ.

Дальше идучи увидѣлъ емь двоухъ жандармѣвъ въ полномъ вооруженію на возѣ высоко наладованомъ ѣдучихъ. На видъ ихъ страсъ емь ся припоминая собѣ приключеніе зъ 1846 года, которое въ Стояновѣ, Золочевского округа съ тогдашнимъ жандармомъ имѣлъ емь. Стояновъ есть то мѣсточко о полтора милѣ отъ моего родинного мѣстца Вышкова отдаленнѣе. При конци вакаціи долженъ былъ каждый изъ насъ привести съ собою свидѣтельство благонаравія, отъ протоерея изданное, въ

Львовъ , иначе не былъ пріать въ высшій класъ. За такимъ то свидѣтельствомъ поѣхалъ и я черезъ Стояновъ въ Ператинъ. Въ дорогѣ а до того еще въ слотное время , незважае человекъ на красоту одежды. Такъ и я обвинишия въ отцевскій плащъ и насунувши старый капелюхъ на очи поѣхалъ емь , не думая о томъ , дабы сіе мнѣ на зло вышло. Но станувши въ одномъ изъ заѣздныхъ домѣвъ Стояновскихъ (которыя здѣсь обыкновенно соломою покрыти сугъ) вышло емь на муравою поросленный рынокъ , хотячи ся придивити мѣсту , чи черезъ время , отъ которого тутка не быдемь , въ многихъ измѣнилось. Нещастье хотѣло , що точно натрафилъ емь на жандарма , который змѣривши мене отъ ногъ до головы , шось подозрѣнного въ мнѣ узрѣлъ. Приблизившись къ менѣ спыталъ остро , що я за еденъ ? На шо отвѣщаль емь ; „Я есть Академикъ Львовскій” Но на томъ не попересталь. Зажадалъ отъ мене пропустки , а коли я извѣнялся тѣмъ , що невѣдалъ емь того , дабы на милю или полтора проѣздки нужная была пропустка , то хотѣлъ бодай якое свидѣтельство мое видѣти , на шо му сказалъ емь , що власне теперь їду за свидѣтельствомъ и вертаючи выкажуся яко чистый человекъ. Не смотря на мои представленія прнуждалъ мене съ нимъ къ мандатарю потрудится , вымавляючи

мнѣ всегда, що я не подобаю на школяря. И такъ мусяль емь черезъ мѣсто и улицы влечися якъ яковый бродяга нѣдъ ескортою ! Того пѣскуса выстрихнуль мнѣ мѣи не ново-вкусный плащъ и состарѣвшійся капелюхъ !

Затрѣмнѣль емь такъ увидѣвши сближающихся ся жандармовъ, пригадуючи собѣ оное произшествіе въ Стояновѣ. Но мацнувшись за пазуху, исчезла всякая первобременная трусливость; пропустка бо моя обрѣталася совершенно въ ладѣ.

Между тѣмъ дойшолъ емь до заставы (рогатки) Волицкой. По сторонахъ лишилъ емь села : Верень, Черница, Рудники, Пятничаны зъ лѣвой ; зъ правой же Надяичи. Передъ рогаткою оглянупъ емь ся а увидѣвши возы на гостинцѣ движущіися, пойшолъ емь дальше зъ кѣлькасоть шаговъ. Такъ зробивши добрыхъ три четверти милѣ усѣлъ емь на купѣ каменей, при дорозѣ зложенныхъ, хотячи здѣсь ожидать моего крестьянина. Звукъ колоколовъ, разливающихъ свой гармонѣйный голосъ по ровнинѣ, взываючи православныхъ на богомольствіе, зайшолъ до моихъ ушей. Знѣвши шапку тѣмъ горячѣйше змовилъ емь „Отче нашъ” понеже не было въ памяти, чи вчерашнего вечера хоть крестъ положилъ емь. Голосъ сей звоновъ происходилъ изъ Пятничанъ, зъ лѣвой стороны лежащихъ. Когда скончилъ емь молитву прибылъ

мой повошикъ и всѣвши на возъ покотилисьмо ся дальше, по ровномъ якъ на столѣ пути. Дорога вже отъ давна выложена нетолченными каменами якъ коло Львова и въ иныхъ странахъ, но дробненькими кремѣнястыми каменцями рѣчными, которыи будучи кѣлька або и кѣлканадцять миль водою несенны, такъ красененько заокругленны суть, якбы рука человѣческая въ томъ участъ имѣла. Каменцѣ тѣи суть обыкновенно червонявой краски и якъ уложатся на дорозѣ, то сто разъ тревальшии суть и не розсыпаются подъ колесами, такъ, якъ то дѣся съ толчеными бѣлыми. Такая дорога меньше издержокъ стоитъ, понеже не треба бѣльшии каменѣ роздроблювати, якъ при оныхъ; суть бо то всѣ дробненьки каменѣ, такъ званый рынь, а до того точить ся возъ по такой дорозѣ, якбы по столѣ. Въ ночи сыплять ся искры отъ колесъ и подковъ коньскихъ, якбы зъ комина, що особенно въ темной ночи красно видѣся. Розложенны по лѣвой сторонѣ села, занимательный представляютъ видъ для путешественника и я любовалъ ся тѣмъ хорошимъ видомъ попередъ очима пересувающимъ ся, усмотряючи, тутъ яковый яснобѣлющійся домъ, онде сновъ выгаючи скромную церковцю укрытую въ тихомъ уединенью и выставляющую свою тоненькую шыйку зъ помеже деревъ хранящихъ ю отъ

вѣтренныхъ и огневыхъ навѣсовъ. Изъ правой стороны тагнуться по надъ дорогою многіи лѣсы, которыя въ Стрыйскомъ окрузѣ значную просторенъ занимають, не токмо въ верховцнвской части, но такожде и на долинахъ. Лишивши по лѣвой сторонѣ селенья : Лисятчи , Угерско, Добряны : а по правой Добровляны вѣхалисьмо на конепъ въ окружный городъ Стрый. Вниманія достойно, що рѣдко где которая каменна дорога въ нашомъ краю такъ проста обрѣтесе и то въ такой долготѣ, явъ изъ Львова въ Стрый ведущая ; такожде и тое замѣтитъ странствующій , що на цѣлой девятимилевой дорозѣ тѣлько два села и городокъ с. е. Солонку, Николаевъ и Розвадовъ перетинаесе ; се есть такожде щось необыкновенного. Стрый лежитъ розвинутой на красной ровнинѣ , которая отъ горъ Карпатскихъ ажъ до Розвадова непрерывно ширить ся , а вздолжь отъ города Долины по надъ горами въ Самборскій округъ и дальше ще продолжается. Самъ городъ лежитъ по лѣвой сторонѣ равноименной рѣки Стрыя , черезъ которую значный мостъ веде. Мѣститса тутъ окружное правленіе, магнстратъ, училище нормальное, которое въ нынѣшнихъ временахъ о двѣ класы помноженное зостало. Стрый не мае многихъ , знаменитыхъ зданій , и многіи ны мѣстца , хотя небудучи окружными , моглибы съ нимъ

ати въ соперничество а можебы и преимущество одержали. Тѣлько церковь руска, кѣстоль латинскій и въ красномъ вкусѣ построена божница Еврейска, банястымъ дахомъ покрыта, суть то зданія, которыи сей городокъ о кѣлька миль виднымъ творятъ. Рускихъ церквей здѣ обрѣтаеся скѣлька, но тѣи будучи деревянныи та низеньки, якъ обыкновенно на Руси съ немногими изъятіями мѣсто имѣе, скрываются по передмѣстьяхъ, а каменную городску и не почиталъ бысь за церковь; цѣлая бо внѣшность совсемъ несходна съ греческо-русскимъ вкусомъ. На самъ передъ обращена головою въ сѣверу а верхъ не такъ якъ обыкновенно бывае съ 3, 5 или по крайней мѣрѣ съ одною башенькою, но есть то простый дахъ, якъ на каждомъ домѣ обрѣтешъ; надъ входомъ же возносится четверугольна вежа не высока, на которой колоколы мѣстятся, що не тѣлько необыкновенно въ греческомъ обрядѣ, но и при богослуженію, въ теченію которого часто звонится, невыгоднымъ есть, и заглушае самое священнодѣйствіе. Сей родъ строенія здаеся происходить изъ экономической спекуляціи, понеже не треба кромѣшныхъ основаній на колокольню; но чи тая на добре выходитъ, не всегда можно тому вѣрити; выдаряе бо ся часто, що симъ способомъ построенны зданія въ короткомъ времени пукають, такъ,

що всегда будучи вышного отъ прочихъ частей а протое и тяжшою, отрывается отъ прочого зданія усѣдаючи не въ ровной мѣрѣ. Моимъ мнѣніемъ есть, що нашія Всеч. Консисторіи должныбы занести до выс. правительства прошевіе о благосклонное запрещеніе созидати нашіи церкви по иному якъ по греческо-рускому образу. Въ Стрию не задерживалъ емь ся долго, но обѣйшовши рынокъ и кѣлька улицъ и нестрѣтивши ничего такъ достопамятного, пустилисьмося въ дальшій путь. Тутъ роздѣляеся дорога каменная на три стороны; одна веде черезъ Дрогобичъ въ Самборъ, другая черезъ Сколе на Угорщину, въ Верецко и Мункачъ, а третья черезъ Станиславовъ, Коломыю въ Черновцѣ. Сею послѣдною мы поѣхалисьмо.

За мѣстомъ веде красно построеный долгій мостъ. Онъ созданъ зъ дерева, пріукрашенъ четырма бѣлыми пирамидами, изъ которыхъ двѣ на початку моста, а другихъ двѣ на конци стоятъ. Цѣлый помалеванъ есть по сторонахъ зашалованыхъ черножолто а пирамиды на бѣло. Зъ моста сего представляеся прекрасный видъ на всѣ стороны, Многіи села оказываются зо всѣхъ сторонъ на сѣверо-востокъ: Подгорки, Стрѣлковъ, на восточный югъ: Фалишъ, Братковцѣ... не помня дальше отстоящихъ селеній; надъ все же я наслаждался чаро-

въ Днѣстеръ, и або спрдають где по дорозѣ свою Плоть, або дальше таскають Днѣстромъ. Они сбивають по кѣлька верховъ въ купы, приряджають на чельной сторонѣ кормило поединьчое состоящее изъ отесаной доски, и такъ пускаются въ дорогу. „Вже состарѣвъ емь ся, много разъ вже туда сплавлявъ и бѣльшии тяготы, и розличныи бѣды вже дознававъ емь“, мовивъ старый, но еще сильный сплавщикъ, „но въ такой таранатѣ еще николи не былъ емь; не тѣлько весь заробокъ и праця кѣлькотьжднева пѣйшла съ водою въ море, но и житѣе о-малъ що не пострадалъ емь при тѣмъ негоднѣмъ мостѣ.“

Подобнымъ образомъ и прочиі два сплавники достались на мостъ и жалующися начали выкручовати платье, та выганяти воду изъ за пазухи, поглядаючи сумно на родимыи верховины подумавши, що съ порознымы руками и кешенями вертати будутъ до зголоднѣлыхъ дѣтей. Но вода не вѣсть милосердія! —

Рушилисьмо въ дальшу дорогу. Но съ начала дробненькій, потомъ чѣмъ разъ бѣльше каплястый дождь зайшоу намъ дорогу и принудилъ остановитися въ корчмѣ за мостомъ обрѣтающейся. Мы вошли въ сѣни уходя передъ дощемъ, но лошади бѣднягѣ мокли на дворѣ, ажъ имъ зъ гривы лилось; корчма бо тая не маючи заѣздныхъ сѣней, совсемъ неполезна, хиба тѣлько для сбо-

гашенія невѣрнаго Еврея, который отъ вертающихся зѣмѣста селянъ послѣдній грошъ выдирае и все до своей ненасыщенной мошонки съсыпаетъ а за колька годовъ стаеся плугавый обманщикъ паномъ посессоромъ, або ои добре пѣйде, то и ясневельвожнымъ паномъ дѣдичемъ; чого многіи примѣры въ послѣднихъ временахъ найти можно.

Тѣмъ часомъ дощъ переймилъ а мой повощикъ, преноловляющомуся уже дню, гонилъ шпарко конята, дабы чѣмъ скорше до дому достатись. Вдругъ перѣхалисьмо Стрѣлковъ и Фалишь, въ скоромъ летѣ перетялисьмо Станковъ и Моршинъ и приближилисьмо ся наконецъ до Лѣсовицкой рогатки. Тутъ мой селянинъ обраховавшись съ жидами, которые почти въ цѣломъ краю всѣ рогачки заарендовали, поѣхамъ дошѣвъ лобочною дорогою, а я лишилъ емь ся подъ корчмою, выглядяючи сновъ якобой способности до дальней дороги.

Но якъ бы заклятый лежалъ трактъ тихенько, ни волами никто не пересувался. А вже перенутилъ я не одну спѣвку, а таки не хотѣлъ никто повитися на дорожѣ; вже мнѣ дальше скучилося и морозъ, хоть то было середь лѣта, началъ по мнѣ ити, якъ емь собѣ погадалъ, що може тутъ прійде ночовати въ смердячой корчмѣ. Въ томъ надойшла якась молодиця, которая

утомившись ходомъ, усѣла пѣдъ корчмою, хотячи вытхнути. Приближившись до ней увѣдалъ емь ся, що иде изъ Стрыя, где ей мужъ теперь стоитъ въ касарнѣ, и вертае въ домъ, до села о четверть милѣ отъ Болехова отдаленого. Она на отворотъ начала и мене въ простодушіи своемъ выпытыватися, зъ ѳтки я и шо здѣсь роботаю. Оповѣвши ей мою нужду освѣдчилась охочо, понеже намъ тая сама дорога предстоитъ, она миѣ возьме мои манатки а такимъ образомъ былибысьмо за годинку въ Болеховѣ, еслибъ я тѣлько хотѣлъ пѣшки ити. На тое охочо согласилъ емь ся не маючи лучшей способности къ дальшому пуги. По дорозѣ стала мемъ съ отвертостію самымъ Славянкамъ собственной своея житъебытьѣ ясными красками описовати, оповѣдала, якое худое мае ихъ семейство, якое иещастіе ихъ посѣтило; „моего мужа взяли до войска, а братъ его померъ передъ годомъ“ говорила молодица обтираючи слезу покотившуюся по лицѣ ей, „а такъ мы обѣ повдовѣлисьмо; шежь то там-тая богдай вѣсть, що вже такъ а не иначе, а я ни то вдовица, ни то молодица.“

„Но мы все годимо ся въ мирѣ, стискаючи ся тѣснѣйше въ купу якъ птенцы матери лѣшившіися“ додала она съ усилениемъ зохати темную хмару насѣвшую лице ей.

Мы вошли въ Болеховъ о полъ до второго часа. Городъ сей понравился мнѣ дуже своимъ краснымъ положеніемъ въ закутѣ горскомъ, изъ котораго выходящая рѣчка Сукиль (Брязка) перетинае городъ, посвѣщающа съ шумомъ на долины. Кромѣ сольной банѣ, занимающей пространное мѣстце, занимае сеи городъ значительныхъ зданій, только на отоднѣ передмѣстии обрѣтаются на вознесенномъ холмѣ стѣны церкви знесенной. Тутъ обрѣтаеся училище нормальное, урядъ камеральный и больница Еврейска, которую одинъ изъ здѣшнихъ богатыхъ сыновъ Сіона по бѣльшой части своимъ иждивеніемъ учредилъ. Городъ провадитъ значную торговлю солею и ремесными выробами. Я остановился за рынкомъ при дорогѣ, дабы видѣти переѣзжающихъ трактомъ. Но щѣльмій городъ обрѣтался въ совершенной тишинѣ, только колесъ не колесъ можъ было узрѣти якогъ мѣщанина извозящего збоже зъ поля, а жидовска вѣра прехождалася въ выстрона, а по вымузгана брумкающа собѣ подѣлносомъ удиваческіи шабашѣвки. Жидовки пріодѣты въ перламъ высадженныи наголовники въ ризахъ изъ атласу и шолку, съ золотыми манцухами на грудехъ зашѣтали за собою улицы возбуждая хмары пороку и представляя доказы своего доброго имѣнія; все бо торговля переходитъ обыкновенно черезъ нихъ

руки, якъ почти въ всѣхъ мѣстахъ галицкихъ дѣся, а они безъ всякихъ трудовъ и работы живутъ и до того ще маетки збиваютъ. Таки то мы нуждены безъ купецкого сана! Теперь смотря на прохожающихся помѣрковалъ ему, яка семь за причина, що цѣлый день мало кого на дорожѣ встрѣтити можно. Была то Субота. Я пождавши скѣлька годинъ выйшовъ емь на улицу выглядючи нетерпеливо, ци кто не надѣде. Но даремны были мои ожиданія; кромѣ кѣлькохъ возовъ солею переполненныхъ, никто не ѣхалъ. Въ томъ состояннн нетерпѣливости попыталъ емь человекъ, съ мальчикомъ попередъ мене проходящего, который здавалъ ся дальшій путь отправляти (судя по чоботяхъ на лѣсцѣ несенныхъ и по торбѣ черезъ плечи перевѣшенной): „Куда Господь провадитъ.“ На що отвѣчалъ мнѣ, що иде до Гошева на богомоленіе завтрѣшное. Извѣстилъ емь ему що и я тамъ хотѣлъ бы достатитя, но вещи, которыи имѣю съ собою, перенятствують мнѣ; и попросилъ емь его красенько, щци не сдѣлалъ бы мнѣ сей милости, дабы въ несенію оныхъ мнѣ помоществовати благоволилъ. Взялъ скоро мои манатки на плечи и пойдисьмо разомъ въ Гошовъ. Еще передъ Болеховомъ видный монастырь Гошевскій, отсланялъ теперь красоту свою тѣмъ выразнѣйше, чѣмъ бѣльше приближалисьмо ся къ

нему. Царствует онъ на значной горѣ, ясною названою, когора поросши грабовымъ лѣскомъ въ полной красотѣ омаєнна, монастырю за сѣдалище служить. Подѣйшовши подъ самую гору и помолившися коло поставленной при дорозѣ капличцѣ, попыталъ мой богомольный селянинъ, куда я ити хочу, чи до кола горы куда ѣздытъ, чи впрость черезъ гай; онъ зналъ добре дорогу, бо якъ мнѣ по дорозѣ самъ повѣдалъ, посѣщалъ ежегодно кѣлька разъ сіе святое мѣстце съ цѣлою семьею, и тѣлько теперъ не прибывалъ съ всѣми, понеже жена въ дому розболѣлася. Я сказалъ, куда близше, и такъ началисьмося драпати до горы помеже грабовими деревами; холодъ миленькій привѣтствовалъ насъ въ семъ романтическомъ гай, а Свѣча, подмивающая гору монастырскую, п вѣющая якъ вужъ, шипотѣла велегласно, нанося по берегамъ камени и каменьцѣ. Подъ деревами сидѣли шо кѣлька локоть слѣпцы то поющіи пѣснь св. Николаю, то играющіи на лирѣ розличныи богомольныи пѣсни сопровождая своимъ трясущимся голосомъ. Сей видъ, истинно поетическій, подалъ бы не одному живописцу полно предметовъ до начертанія!

Наконецъ выйшлисьмо на вольное мѣстце, где обыкновенно возами стоятъ. Тутъ лишилъ емъ моего спутника съ вещами, а самъ поѣшолъ емъ въ келліи,

хотячи допытатись перше до одного изъ Препод. Отцевъ Василіяновъ, который моимъ сродникомъ есть; у него же хотѣлъ емь заквартироваться. По долгомъ блуканіюся по сѣняхъ монастырскихъ стрѣтилъ емь пѣвца молодого, который мнѣ возвѣстилъ, що мой О. племянникъ съ другимъ О. поѣшли на долину проходиться, но незабавомъ повернуть на вечерню. Казавши знести мои манатки до комнаты, зажелалъ емь, дабы мнѣ показалъ, где бы могъ емь ся выкупати и зъ пороку грубо намаѣ освѣшого, очиститись. Всказалъ мнѣ стежку до млына монастырскаго а я взявши лѣску сильно въ руки, поторопилъ емь ся къ Свѣчи.

Се первый разъ купалъ емь ся въ горской водѣ. Якбы ново на свѣтъ рожденъ почувъ емь ся силенъ по сей купели и легкій надъ мѣру, однако купанье ся въ горскихъ рѣкахъ есть бѣльше невыгодне, бо не тѣлько, що таковыи суть обыкновенно мѣлкии такъ, що плавающій лишень есть сей утѣхи погуляти себѣ якъ рыбка по Дунаю, а кромѣ сего камень, которое цѣле русло рѣки застеляе, есть для ногъ неносимое, такъ, що годѣ крѣпко станути на ногахъ а до того несется вода такъ сильно, що зъ подъ ногъ камень выдирае.

И такъ плюскающисъ якъ гуска слышалъ емь звонъ колоколовъ монастырскихъ, которые верхомъ по надъ

мною лебедѣли, сливаючи свой голосъ съ шумомъ кричащей Свѣчи и взываючи правовѣрныхъ на вечерное богослуженіе. Выскочивши скоро зъ воды и закинувши на себе шматъе подрапалъ емь ся ня гору тримаючися то тутъ то тамъ деревины, по надъ выломъ горы стремящей. Прибылъ емь на самъ: „Свѣте тихій“ въ церковь и загудѣлъ емь що стало силы, радуючись щастливымъ прищесвіемъ въ сей славный храмъ и приглядаючися устроенію егоже. Церковь красна, пространна, образъ строенія вкусный, но головное по греческому обряду не сдѣлано. Насамъ передъ жертвенникомъ обращена къ западу, потомъ установленны органы немило троняють православного Русина, который звыкъ власными грудьми Бога хвалити, а фуюрки лишае для корчми тай за стадами на нихъ высвистуе

По вечерни вѣйшовши изъ церкви едва позналъ мя мой сродникъ. Съ радостію вовель мя въ келліи и представилъ прочимъ отцамъ. Розмовившися то о семъ то о томъ, якъ обыкновенно бывае между людьми, котрыи вже отъ кѣлкі лѣтъ невидались, — и перекусивши що Богъ далъ, звернулъ емь цѣлое вниманіе мое на предлежащую картину земли. Мѣсяць освѣщаль мило цѣлую красную пространъ, перетятую скѣлька раменами Свѣчи и звенящую голоснымъ житьемъ а сиящися не-

ботичныи Бескиды, выдающіися при ночномъ свѣтѣ якъ грозящій велиты, приглядались усмѣхающейся ровнинѣ. Здѣсь есть истинный Рай Галицкой Руси! — Долго, еще долго сидѣлъ емь въ растворенномъ окнѣ келліи, наслаждающіися симъ неизглаголяемымъ видомъ, который мене тѣмъ бѣльше плѣнилъ, повеже я яко врожденный и воспитанный на долинахъ между пѣсками и багнами надбужанскими, — ниже изображеніе о горскихъ сторонахъ имѣлъ емь.

И такъ дивилъ емь ся и слухалъ емь и насыщалъ ся вонянымъ воздухомъ, доки романтичешкій шумъ воды не залеліялъ мя въ райскій сонъ, а я омаль що стромголовъ зъ окна не спалъ; пробудившись была вже первая година по полночи. Переспавшыся нѣсколько годинъ пойшолъ емь на богослуженіе въ церковь и теперъ розглянулъ емь ся лѣпше въ ней. Она построена въ крестъ, въ серединѣ которого возноится высока рогунда, внутрь ея есть галлерія, по нейже можно вколо обойти. Фронтъ украшенъ столпами въ стѣну вмурованими и балькономъ, изъ которого чародѣтельный видъ представляется очамъ зрѣтеля. Цѣлая обширная пространъ съ всѣми своими селами несчисленными, съ вѣвучимися рѣчками и потоками, съ лѣсами и гаями лежитъ розположенна у ногъ храма вышняго. Тутъ глядитъ чело-

вѣкъ и глядитъ и неможе ся надивити красотѣ и устройству природы. И вже отъ давна скончилось богослуженіе, вже отъ давна утишился голосъ гудящихъ фуярокъ, а мнѣ еще не хотѣлось злазити изъ моего становища на балконѣ; такое впечатлѣніе сдѣлалъ оный поглядъ на мене! На богослуженію было несчисленное множество народа собравшогося. Посѣщаютъ бо сіе мѣстце святое, не только поблизкіи селяне, но и зъ далекихъ сторонъ и различныхъ сословіи узришь здѣсь людей, и пѣшки прибывшихъ зъ далекихъ сторонъ, и конно прѣѣхавшихъ жителей долинъ, и волами прилѣзшихъ подгорняковъ, и верхомъ на волахъ или маленькихъ гуцульскихъ конятахъ верховинцевъ, коротко всякого рода и сословія можно тутъ увидѣти а даже и Забескидскихъ братьей не трудно стрѣтити. А выйшовши по богослуженію на базаръ, особенно въ бѣльшіи праздники, замудуешся видячи такую разноцвѣтность одѣній и слышачи такое различіе бесѣды.

По вечерни присѣлѣемъ съ двома Отцами и драгнулисьмо черезъ Болеховъ въ горы. Збочивши зъ Болехова въѣхалисьмо въ великій провалъ, которымъ кружилася рѣчка Сукель, перетинающа въ своемъ крутомъ шествіи кѣлька разъ дорогу. Первое село между горами есть Тиссовъ, розтягающееся по обѣимъ сторонамъ Сукелья.

Тутъ по первый разъ засмаковалъ емь горской дороги; не тѣлько поменьшии каменѣ, но значно великии, такъ, що и до строенія можь бы ихъ ужити, еслибъ тѣлько не были мокрыми, лежать всюда порозкидани водою а и слѣду зъ дороги тяжко знайти. Нашъ повозъ не была то яковая коротка брычка, которую можнобъ обвиняти о нецѣжности въ ношеніи гостей, но былъ то совссмь простый, долгиі возъ господарскій, а однако такъ безсовѣстно телепалъ нами и перекидалъ изъ одбого мѣстца на другое, що хотъ еще и милѣ неубхалисьмо сею дорогою, а вже всѣ желалисьмо зъ цѣлыхъ сердець, дабы вже скоро остановитися. Не за долго узрѣлисьмо корчму а одинъ изъ ЧЧ. Огцевъ, который здѣсь такожь еще „бывалъ, добре заговорилъ, що вже гдесъ не далеко буде и до священника, коли корчма вже появилась.” И истинно узрѣлисьмо зъ помежду деревъ вызирающую церковь. Самую серединою села тече шумно Сукель, а село не такъ просто протягаеся якъ обыкновенно по долинахъ, но хаты низеньки безъ сорозмѣрности порозкиданы; зъ другой стороны Сукеля лежитъ другая маленька церковця на маломъ возвышеніи, именующаяся „зарѣкою.”

Мы не застали никого у священника, где въ гостину заѣхалисьмо, кромѣ жвавого парубчака и ста-

рушку, которая отъ природы не яко отъ матери б-даренна была; нибо говорити зрозумѣло ни слышати не могла, тѣлько страшнымъ голосомъ нечеловѣческимъ произносила якійсь не-зрозумѣлиі слова, а мы употребили оного паренья за толкователя между нею. Честный Іерей пойшоуль былъ съ своею наствою въ горы, обходячи съ молитвами и пѣніями царины; а чест. супруга выѣхала была до мѣста. По недолгомъ времени повернулъ священникъ, и мы забавлялись весело, которая веселость еще побольшилась, коли узрѣлисьмо повертающую госпожу съ дочерію нечаянно надбѣгшимъ дощемъ ажъ до рубашки промоченныхъ.

На другій день ранкомъ поѣхалисьмо при красной погодѣ до поблизкаго села Бубнища, въ которомъ исполинскіи утесы каменныи, истинныи чудеса природы, о которыхъ менѣ доселѣ и не снилось, увидѣлисьмо. Подѣхавши подъ гору оставилисьмо нашего повощика съ возомъ а сами поспѣшилисьмо съ проводникомъ до оного мѣстца, о которомъ намъ священникъ много наговорилъ. Прекрасною дорожинкою помежду смереки и грабы двинулся нашъ конвой къ горѣ. Солнце прекрасно сіяюще озолочало своими лучами лежащія по обѣимъ сторонамъ села Бубнище и Поляницю, а отголосъ софѣлокъ раздавался благозвучно по горахъ. Мы посту-

пали весело поющи рознородны пѣсни а нашъ проводникъ оповѣдалъ намъ якъ обыкновенно здѣшніи люде, котѳрыи часомъ опроваджають гостей до каменя, шутки собѣ роблять зъ тыхже, показуючи на поменшіи по дорожѣ лежащій камень, яко той или онъ есть цѣлею ихъ путешествія а между тѣмъ перепоняють, дабы любопытніи не узрѣли прежде камень по надъ дерева высоко стремящій яко пирамида, и такъ ажъ дойшовши до самого камня напрасно остолпѣвали узрѣвши передъ собою такъ великій колосъ. Но симъ повѣствованіемъ уважными сдѣланны узрѣлисьмо незадолго камень скорше якъ проводникъ нашъ думалъ: но ити еще было нужно значный кусень густымъ лѣсомъ. Наконецъ предметъ любопытности нашей стануль передъ нами, а мы вываливши очи произнесли долгій голосъ удивленія. Первый камень подобае на пирамиду, есть въ долину до своей высокости сорозмѣрно широкій и чѣмъ выше зъужаеся и выходитъ въ кончастый верхъ. Сей камень видно о кѳлька миль на всѣ стороны: стоитъ бо почти на найвысшомъ мѣстци лѣса. Онъ не носитъ ніякихъ слѣдовъ человѣческой руки.

Дальше въ низъ спочивае вторый камень, который здалека совсемъ на крѣпость яковуу выглядаетъ съ розличными циннами, башнями и инними сего рода укрѣпленія-

ми. Есть въ немъ много изваній; заразъ съ початку на долину есть выкута комната продолжающаяся. Въ той то комнатѣ голосъ пречудесно звенить; она со всемъ акустично выробленна. По ней слѣдуе друга и третья, которыхъ долгость противно по надъ краемъ иде. Тутъ есть полно ватрищъ, при котрыхъ пастыри огрѣватися а часомъ и гдешо печи обыкли. Дальше есть проломъ, изъ которого ведутъ вытесанны сходы въ гору, потомъ стоитъ деревянна листвиця, якъ кажеся пастушками поставленна, которыи вылѣзши на утесы сии, выпсѣвуютъ пѣсни споглядаючи на чередоньки свои. Выше есть изваянъ въ камени колодязъ четверугольный, въ которомъ мало воды обрѣталось, натекой изъ вчерашняго дощу. Надъ кладяземъ сохранился еще сводъ изъ камней паленыхъ, который отъ неизвѣстныхъ временъ походить. Вылѣзше по выше начертанныхъ степеняхъ на огромныи ти утесы, которыи здѣсь вообще каменемъ называютъ, наслаждаеся человекъ занимательнымъ видомъ, который зѣ отти представляется, и нехоче ся злазити зѣ горы. Такъ и мы долго здѣсь сидѣли приглядаючи окружающимъ насъ предметамъ, то выгукуючи весело спѣванки народны и нѣмъ оглянульсьмо докола сей камень съ прилежащими ему дѣтьми, вже далеко зѣ полудня было. Потомъ отдалилисьмося на кѣль-

касоть шаговъ, дабы цѣлый голосъ однимъ взоромъ об-
имати и такъ лучше сіе чудо природы себѣ изобра-
зити. Вѣроятно служилъ сей камень въ бурныхъ вре-
менахъ за крѣпость неборимую противъ нашествію вра-
говъ. Изъ двухъ бо сторонъ обрѣтаются до нынѣ глу-
бокіи ровы, которыхъ стѣны камнями выложенны суть,
а колись, може быти, що и водою напущенны были. На
горѣ обрѣтаются въ многихъ мѣстцяхъ вытесанія по
обѣимъ сторонамъ противоположныхъ стѣнъ и то сходно
поробленны, такъ, що кажется, якобы въ тѣхъ вытесанія
заходили деревянны бальки еденъ на другого, и такъ но-
вую стѣну становили, подобно якъ дѣется въ зданіи, ко-
торое въ столпахъ строится, где помежду выдолбаніи
столпы дылѣ заходятъ. Колодязь же здается служилъ за-
перающимъ въ сію крѣпость за хранилище воды зимной.
Но кто коли прирядилъ сіи укрѣпленія, о томъ нѣтъ из-
вѣстій. Исторія о семъ не споминае, преданіе же про-
стонародіа тѣлько мутныи съ собою совсемъ несогласу-
ющіися басни о томъже несе. Священникъ изъ Тиссова,
до которого прихода и село Бубнище належить, опо-
вѣдалъ намъ, що слышалъ отъ своего предшественника,
якобы на краяхъ книги метрыкальной мало обрѣтатися важ-
ное извѣстіе о ономъ камени, но когда сей приходъ вѣдай
вовремя заразы лишенъ былъ своего іереа, а яковыйсь

громъ въ горахъ, а земля трясется и тормоситъ окнами, якбы въ своихъ основаніяхъ найглубшихъ заколебалась! Якъ первый разъ ударилъ громъ въ поблизку гору, каменьями якъ зубами стерчащую, то я хоть недуже трусливъ стануль на ногахъ якъ врытый, схопившись въ полсоню зъ постели. Каждый громъ отбиваеся здѣсь зо сто разъ гудяше проразительно, ажъ сумъ поберает! — По таковой тучи слѣдуете обыкновенно ливень заливающая и забирающая все съ собою, що встрѣчае. Я пробудившись зъ раиа, поглянулъ емъ черезъ окно, но вода не тѣлько обратила пѣлую дорогу въ рѣку ревущую волнами и метающую каменья, але и зъ садку зробился птоостранный ставъ, якъ где на Волянню; а такъ я стихіями препятствованъ въ продолженію путешествія, упалъ снова на постель, та прикрившись съ головою заснулъ твердо. Спалъ и еще спалъ даже до полудня, а слоты таки непереспалъ. Она продолжалась еще дальше а я принужденъ былъ два цѣлыхъ дней здѣсь пересѣдѣти, которое то время при дружелюбномъ пріятію и веселыхъ розговорахъ мило менѣ перейшло.

Третего дня ранкомъ выбраемъ ся въ дальшій путь. Госпетріемна газдиня наполнила кишени запасами, которы я, вже опытомъ наученъ будучи, не откинулъ, подумавши, що въ горахъ сола рѣдкии а дорога угяжлива.

Переправившись на другую сторону Сукеля, который
 тѣмъ часомъ вже успокоился былъ, погналъемъ съ лѣ-
 скою въ рущѣ якъ олень зъ горы на гору, огладаясь на
 всѣ стороны и подивляя красоту природы, которая въ
 горахъ въ полнѣмъ блеску своемъ сіяе. Перейшов-
 ши Бубнище кинулъемъ на гору, зъ ней на долину,
 и сновъ на гору, и сновъ на долину, и тою шествовалъ
 емъ вже даже до Тышевницѣ, бродячи по самыи
 пахи черезъ потоки шумящии и несмотря на то, що
 отъ воды ажъ булькотѣло въ ногахъ. Въ Тышевницѣ
 стоить на возвышенномъ мѣстци новопостроенна церковь,
 поглядаючи миленькимъ своимъ лицемъ юношескимъ въ
 волны Стрыя, который селу дальшій возростъ къ западу
 заперает. Черезъ рѣку перевезъ мене гарный лѣдѣнникъ
 съ долгимъ волосьемъ кручимъ. Онъ отбивши отъ берега
 весломъ, хопился за линву, которая изъ одного берега до
 другого привязанна, и положивши весло въ лодь, оперся но-
 гами въ тую, а руками посувался чѣмразъ дальше по линвѣ
 и такъ переправилисьмося на оный бокъ. Поблагодаривши и
 подаривши молодця, пошолъемъ впростъ черезъ поля
 къ мурованой дорожѣ, ведущой изъ города Стрыя въ
 Сколе. Низше Тышевницѣ лежитъ на трактѣ Сине-
 вѣдско нижне, о полъ милѣ дальше при слученію
 Опора съ Стрыемъ, Синевѣдско вижне, изъ ко-

торыхъ то сель селяне ведутъ торговлю брынзюю т. е. сыромъ овчимъ, орѣхами, сливками не только въ поблизкихъ мѣстахъ, но и въ самомъ Львовѣ обрѣтаеся ихъ всегда значное число на краковскомъ предмѣстью. Еще передъ выжнимъ Синевѣдскомъ надарилась мнѣ способность къ ѣздѣ; на самой бо рогатцѣ засталъ емъ двоухъ паробкѣвъ, которы ѣхали возами въ Подгородскій лѣсъ за дровами. Съ ними пристѣлъ емъ и въ кѣлька часахъ затащили мене такъ далеко, куда полъ дня былъбымъ принужденъ ити, переправляючися черезъ якихъ тридцать потоковъ. Выйшовши на конецъ лѣса, выдрапалъ емъ ся на гору высокую, изъ которой видныи были села Ямельница, Подгородцѣ и красная удолю, которую Стрый перерѣзуе. На всѣ стороны представилъ ся мнѣ красный видъ, а я вспомнувшя за родными сторонами, начерталъ пѣсню, которая вже печатанна была, начинающуюся сими словы: Поподъ гору черезъ ставъ*) Переспѣвавши собѣ новую пѣснь, которая воспоминаніемъ милого лица изъ сердца прокололась, и обглянувши на всѣ стороны усѣлъ емъ подъ геометрическою тычкою, (въ семь бо роцѣ отбывался помѣръ правительствинными помѣрчиками) а звернувши лицемъ

*) Въ Сборнику „Весна“ Львовъ 1852.

къ западной сторонѣ, куда мой дальшій путь въ Урѣчь вель, вытягуль емь зъ торбы запасы, которыми мене Тисовская госпожа гостепрїимно обладовала, покрѣпиль емь ся по кѣлкамилевой утрудительной дорозѣ, и дальше розпустиль емь ноги спускаючи ся зъ горы скорымъ летомъ. На горѣ начерталь емь простую якъ линїя дорогу черезъ поменьшіи горы, потоки, лѣсы, луги, которую то чергою впрость до Подгородецъ, поступати намѣрилъ емь, не сходячи на битую дорогу, изъ которой збочилъ емь выходячи на оную гору, которая мнѣ становищемъ кѣлькогодиннымъ была: но тая черта оказалась непрактическою, зойшолшибо въ лѣсь между горами разположенный, стратилъ емь совсемъ оную и немогемъ ся справити въ тую сторону, куда пужно было ити хотячи слѣдовати предначертанію, и блукаемъ добрыхъ два часовъ, доки селяне, робывшіи въ лазахъ сѣно, не всказали мнѣ, куда змѣряти подобало, дабы до цѣли моей дойти. Лазами называютъ здѣсь рѣдкій, невеличкій частію корчами порослый лѣсь, въ которомъ сѣножати находятъ ся.

И такъ перебродивши сновъ кѣлька потоковъ досталь емь ся до береговъ Стрыя, въ которого хотя мутныхъ водахъ скупаль емь ся, хотячи новыхъ силъ набрати. Въ момимбо путешествію держалъ емь ся сего правила, дабы нигде

не препустити рѣку не скупавшись въ ней, и только Днѣстеръ, сей бадьо галицкихъ струевъ, дозналъ изъятія отъ повышого правила, понеже въ Розвадовѣ ночь господствовала, а коли на возвратномъ пути въ Сѣвкахъ переправляемься, было уже за студенно и кромѣ сего не былбы Еврей повощикъ ждалъ на мене. Нотое замедленіе на оной горѣ и въ волнахъ Стрыя навело на мя рясный дощъ, который принуждилъ мене въ Присадѣ, сельци получающемъ Подгородцѣ съ Урѣчьемъ, подь церковню схоронитись, но коли не преставало зъверху лятись, то пустилемься дальше, будучи теперь и зъверху и зъ споду орошаемъ. Кусень отъ Присадской перкви до Урѣчской даль мнѣ ся добре въ знаки. Въ то само время, коли я въ Тиссовѣ слоту пересѣдѣлъ, нанесла оная туча страшенную хмару, чорную якъ ночь, мстающу громами ужасно, которая проломилась а потокъ Урѣчка взмагаясь въ волны напрасно, понесъ свѣрѣпыми волнами цѣлую дорогу урѣцкую, протягавшуюся серединою села по надъ рѣчкою, и слѣду не лишилось по ней; а такъ я то водою, то по плотахъ та намулахъ нанесенныхъ шествовати принужденъ былъ. Щастье що оная хмара на верху горы проломилась, а такимъ образомъ одна только половина воды спала на Урѣчь а другая пошла по за гору въ низъ, иначе и цѣлос се-

ло Урѣчь былобы пошло съ водою ажъ где до русско-го моря!

Войшовше въ домъ добре знаемого мнѣ священника перезуль и церебралъемъ ся цѣлкомъ, теклобо измене якъ зъ стрѣхи и цѣлый былъемъ промокъ до послѣднаго рубця. Слота кѣльководневна и пріятность природна окрестности заставили мене тутъ цѣлыхъ осьмь дней забавити. Въ первыхъ дняхъ поглядалъемъ тѣлько черезъ окно на окружающіи верхи, которіи мимо дождистого времени красно выдавалися. Четвертого дня, перелявшомуся вжѣ дощу, пошлоемъ съ братомъ моего хожая за село, желая оглянути камень достопамятный, который отъ многихъ посѣщенъ бывае и который я еще въ молодыхъ лѣтахъ въ Львовѣ на картинѣ изображенъ видѣлъ съ подписью: „камень въ Урѣчи“. Сей видъ доселѣ держалъся памяти моей, и приближившися къ сему камению знайшоуемъ правда подобіе одного изображенія съ самымъ предметомъ; но въ юношескихъ лѣтахъ видячи картину одного, изображалъемъ себѣ его яко домъ о двоухъ или троухъ повершіяхъ, теперже показалася его великость такая, що остолпѣти бы могъемъ, еслибы не видѣлъемъ прежде оніи камени въ Бубнищи, которыхъ воспоминаніемъ удивленіе мое уменьшилось. Онъ красно обросъ въ колѣ деревьями смерековыми, гра-

бовыми и дѣсчиною и тѣлько отъ южно-восточной стороны приступнымъ есть Лицемъ обращенъ къ западу споглядае на село у ногъ его сиющееся. Зѣ той стороны онъ творитъ простую стѣну непроходную высоты двохъ попершій, которая то стѣня основаніемъ есть и тѣлько подвалиною дальшого зданія; на нейбо спочиваютъ, или она раздѣляется на два камня высокіи меньше больше четверугольніи, якбы высокіи двѣ вежи однаковой почти великости. Отъ той стѣны иде помежду двома вежами рѣвное мѣстце якъ бы подлога выложена муравою. Зѣ самого переду на долинь есть извѣанный зѣ камня кладязь, изъ которого, яка здае, тягнули яковымъ прирѣженіемъ воду до горы. Но дабы себѣ цѣлый предметъ лучше изобразити, представѣмъ себѣ русскую каменную церковь въ Станиславовѣ или костель Маріи Магдалены въ Львовы безъ кровли а будемъ мати изображеніе онога камня. Фронтъ сего камня подобный фронту реченныхъ церквей съ тымъ тѣлько различіемъ, що стѣна между оными башнями, которіи камень формуе, въ горѣ простую черту становитъ, въ сихъже, въ кривую зѣ верха заокругленую дѣнію выходитъ. Сводъ сровнанный засыпомъ и поросъ мохомъ а входъ на гору въ томъ мѣстци, где на долинь жертвенникъ стоитъ. Правая и лѣвая стѣна изъ паленыхъ ка-

меней построена. Только задняя часть не есть такъ долга, якъ въ реченныхъ церквахъ. Камень той стоитъ выше села подъ горою. Що же касается историческихъ извѣстій, тѣи о семъ камени якъ о ономъ въ Бубнищи совершенно не увѣдомляютъ насъ о претворителяхъ тыхже въ крѣпости, ниже о времени, изъ которого походятъ. Наибольше вѣроятіе есть въ томъ, що тѣи камени еше передъ лихолѣтіемъ въ временахъ князей руссахъ служили за оборонніи точки противъ нашествію иноплемениковъ, а исторія споминае, якобы Казимиръ Великій крѣпость Тустань занялъ. Народъ здѣшній зоветъ сей камень подъ Тустаньемъ. Если до того зважимо и тое, що поблиское село Подгородцами именуется то увѣряемса о вышесказанномъ.

Изъ самого камня представляется прекрасный видъ на всѣ стороны. Село Урѣчь тянется по надъ потокомъ ажъ въ закутъ, который творять поблискіи верхи окружающіи село изъ трохъ сторонъ, заставляючи е отъ сѣверныхъ навѣтовъ вѣтренныхъ и только отъ полудня отвертое есть тое удоіе. Лѣсы смерековіи и яличвіи окрашаютъ горы обстоящіи, а потокъ журчащій у ногъ камня утѣкаетъ сквапливо на доль и скривается подъ сводомъ деревъ надбережныхъ, охраняющихъ кристальную водицю отъ утяжливой спеки солнца; па-

стыриже выпѣвуютъ весело Коломыйки пригрывающе на сопѣлкахъ тонкогласныхъ, а овечки буяютъ по красной травицѣ, дышущой пречудесными вонями, и здаются розумѣги гранія своихъ господиновъ, производящи пляси съ козама мечашими, а тутъ и тамъ звонить коса подъ рукою жвавого горняка, стинающого травы по лазахъ.

Народъ здѣсь самъ нѣжный и добродушный. Священникъ немалъ обиталища; дѣдичъ о томъ и знати не хотѣлъ, а селяне взялися сами до дѣла, накупили дерева, навозили и построили власнымъ иждивеніемъ домъ своему пан-отцеви и церковь сами покрили и домъ на училище купили, не смотря на тое, що мало где люде такъ нужденными суть, якъ въ Урѣчи. Въ зимѣ и на предновку многіи гинуть зъ голоду особенно теперь коли бульба совсемъ загибла. У священника и двери незапераются такъ тиснутся бѣднята, и он истинно яко отецъ обдѣляе каждоо якъ можетъ и запомагае жиючи такъ поединчо, якбы не оденъ селянинъ немогъ; все жертвуе для народа, которого сердцемъ и душою полюбилъ. Но часто случается, якъ мнѣ самъ повѣствоваль, що такий вешашливецъ хотъ получить кусень хлѣба, то не успѣеть его пожити, но гибне на дорогѣ. И много, дуже много народа выгибло въ поскѣдныхъ лѣтахъ зъ голоду и холоду, такъ, що подорозѣ мертвецы лежали.

Немогу замедлити, не оповѣвши одноє приключеніє, характеризующее простодушіє и истинное христіанское у-способленіє здѣшнихъ жителей. Человѣку, имѣющему кѣлька дѣтей дробныхъ, померла жеена. Онъ прійшовши до Іерея розказує свое нещастье, та просить о похороненіє. Между тѣмъ, якъ священникъ началъ переглядати книгу метрыкальну, онъ нещастливецъ волнованъ гадками сумными вздохнулъ изъ глубины сердца кѣлька разъ и сказалъ придушенымъ голосомъ: „Г а с л а в а те б ѣ Г о с п о д е н ь к у и з а т о е !” Що за благость що за истинно христіанское согласіє съ волею вышнею изображается въ сихъ словахъ! Кого не взрушитъ сіє изліяніє души печальной въ самой глубинѣ внутри? Я троненъ былъ до живого будучи свидѣтелемъ сего, и мимовольно вырвалася мнѣ слеза сожалѣнія изъ очей. И въ годѣ, который до непоследнихъ относительно жнива числится, здѣшніи селяне ничего не мають; бо поминувши тоє, що въ горахъ обыкновенно мало що родится, сего року причинилося еще до того нашествіє свинь дивкихъ, медведевъ и свякого рода звѣрей, которіи черезъ кѣлькалѣтнюю тишину оружія осмѣленніи, стадами волочатся и даже середъ дня почти по селѣ прохождаются; въ царинахже где кто малъ якій колось, все лежитъ покотомъ, бо що воды непозамуляли, то волоча-

щіяся стадами звѣри совсемъ вытолкли и порыли. Жителѣ Урѣчи подали до правительства окружного прошеніе о изволеніе употребленія оружія противъ напастемъ оныхъ, но мандаторъ воззванъ правительствомъ о изявленіе своего мнѣнія въ реченномъ дѣлѣ, далъ реляцію, що удѣленіе селянамъ оногожь изволенія безпотребнымъ былобы, понеже доминикальнїи лѣснїи на то носятъ зброю. А ты бѣдный Русине терпи, терпи тихо, тай гниь зъ голоду! —

Пребываючи въ Урѣчи пойшолъемъ одного ранка на розложенны по горахъ сѣножата тай заблудивши по между деревами, спостерегемъ пирамиду, яковїи помѣрщики по возвышеннихъ мѣстахъ звыкли ставити, дабы оштуду большую просторовъ на картину взяти. Прїйшовши до ней и кинувши взоръ къ сѣверу здумѣлемъ ся! Не презрѣннаябо просторонна равнина разпростерелась передъ мною, множествомъ селъ, городовъ, лѣсовъ прїукращенна. Я стоялъ емъ якбы яковымъ чудеснымъ способомъ въ незвѣстную землю перенесенъ, всебо передъ мною лежаще было мнѣ чужимъ, незвѣстнымъ. Въ томъ узрѣлемъ немножко нисше селянина, розкидающога покошенную траву; къ нему то збѣгши увѣдалемъ ся о околицы, въ которой взоръ мой блудилъ. Солнце полудневое сильно припскало, освѣтляючи разомъ прекрасную романтическую равнину. Пре-

домною стелилися округи Самборскій, Стрыйскій и Львовскій; Самборъ показовался къ западу горизонта, подъ ногами моими сіялъ красный Дрогобичъ, бѣлѣющійся ясно своими церквами и иными зданіями; дальше къ восточному сѣверу выглядалъ окружный городъ Стрый, зъ помежду деревины, на востоцѣ явился Болеховъ и Гошевскій монастырь а дальше впрости на сѣверъ при-смотривши ся добре узрѣльемъ Львовскіи горы синѣющійся и заключающіи горязонтъ; щожеса касаетъ сель и поменшихъ мѣсточокъ то и на коны можбы начислити. Дабы человекъ окомъ своимъ тѣлько наразъ увидѣти могъ, о томъ мнѣ и не снилось. И усѣльемъ подъ пирамидою оною и началъ думку думати переглядаючи окрестность и пересувающися гадками по картинѣ исторіи русской а несенъ мечтаніями воображенія вижу здѣсь полкъ Днѣпровцевъ на вороныхъ конятахъ пересувающійся по равнинѣ якъ тѣнь хмары вѣтрами гоненной; тамъ сновъ подъ онымъ селомъ лѣсъ сверкающій молніями пѣкъ запорозскихъ; зъ оттамъ доходитъ мене стонъ печальныхъ Перемишлянъ, рыдающихъ матеръ свою церковь святую котора вражіими руками розушается; зъ оной стороны несетъ вѣтръ плачь матерей и женъ, блукающихъся по надъ берѣгомъ червлено-плывущой рѣки и мѣшающихъ свои слезы клятвеніи съ

струями оной: тамъ сновъ вижу хмару воронъ злѣтающихъ пити кровцю обезглавленныхъ защитителейъ Руси святой — и чувство переліялось стихами на бумагу:

Руская землице,
 Райска красавице!
 Ты подъ игомъ пѣтьвѣковымъ
 Жалостно стогнала,
 Ты то горя тяженького
 Чашу испивала!

Русская землице,
 Райска красавице!
 Ты то была въ черезървну
 Пропастъ погруженна:
 Ты то была передъ свѣтомъ
 Сраменно забвенна!

Русская землице
 Райска красавице!
 Вже ты допталъ врагъ проклятый
 Скверними ногами
 Поругалъ ся и думалъ ты
 Между мертвецами!

Русская землице,
 Райска красавице!
 Вже гнетли твоихъ молодцевъ
 Тяжкіи могилы,
 Вже до борбы, ни терпѣнья
 Не ставало силы!

Русская землице,
 Райска красавице!
 Якъже съ стрясла съ громомъ! сильнымъ
 Двигнула напрасно,
 Загремѣла пѣснь воскресну,
 Врагамъ всѣмъ ужасну!!! *)

Руская землице,
 Райска красавице
 Ой вдарила вже година
 Твоего возстанья,
 Вже порвались твои дѣти
 До сильного дѣланья,

Русская землице,
 Райска красавице!
 Ой мужайся и взмагайся
 Жизнею новою,
 Дабъ врагъ лютый, врагъ безсердный
 Не владнуль тобою.

Русская землице,
 Райска красавице!
 Украшайся, приберайся
 Цвѣтами новыми
 Збогащайся и вславляйся
 Дѣлами благими!

*) Русь австрійская благотѣльными учрежденіями Іосифа II.
 прочуѣла изъ продолгого сна, въ наше время она воскресла къ
 новой жизни.

Русская землице,
 Райска красавице,
 Дабысь была окрашенна
 Блескомъ райского цвѣта
 Дабысь была врагамъ ужасна
 Доки станетъ свѣта!!!

Едва змогемъ оторвати ся отъ сей панорами. Повернувши въ село былъ вже часъ вечерный а я выйшовши рано доселѣ былъемъ безъ кушанья, но и не забегало ся мнѣ було такъ наситилъемъся онымъ видомъ и предпріялъемъ себѣ, нимъ съ тыми сторонами попрощаюсь, посѣтити еще недалекій городъ Дрогобичъ. Ежеседмично въ понедѣльникъ отбываеся въ темъ мѣстѣ многочисленный торгъ или лучше ярмарокъ. Вотъ и я пождалъ ажъ до понедѣльника. Передъ восходомъ еще солнца заппалъ емъ за лѣску, сію неотступающую отъ мене сопутницу, и дальше черезъ горы, потоки, лазы, лѣсы на долину. Село еще добре спало, тѣлько тутъ и онде далъся чути голось звоночка или колаталки, которіи товарынѣ до шыѣ привязуютъ, по полонинахъ. Выйшовше на верхъ солнце едва що выкотилось изъ своего ложища и обагрняло дерева та помежду ними гденекуда обрѣшающіяся обороги а птички очунѣвши начинали голосити пѣснь сотворителю всяческихъ. Потокъ,

заступившій мнѣ дорогу, мручалъ подъ сѣнею вѣтвь древесныхъ посплѣтавшихся, якъ любки съ любимцемъ скрывшися въ альтану съ тихонька шептають. Мое чувство располоменѣлося впечатлѣніемъ природы а горячая молитва взлетѣла къ небеснымъ дворамъ Егови, стелячись у степеней престола возвышенного!

Скоро зайшолъ емь въ первое село на долину Т у с т а н и ч и, где переправившися черезъ рѣчку и переминувши село стануль я на рѣзанной широкой дорожѣ, которая простою чертою черезъ гаекъ и рѣку Тысменицю въ Дрогобычъ вела. По дорожѣ встрѣчалъ я пѣшихъ людей, поспѣшающихъ на ярмарокъ. Подъ мѣстомъ ѣхалъ вже возъ за возомъ то наганяючи, то преминаючи другъ друга, щобы чѣмъ скорше достатись до мѣста. Ринокъ переполненъ былъ всякого рода и стана людьми и несчисленнымъ множествомъ коней и всякой товарины, а мукаше, ржане и бечене смѣшивнуще ся съ выкликами продавцѣвъ и купующихъ творили одинъ безпорядочный гомонъ, творили многогласную сумѣшку заглушающую уши. Въ другъ подыбался я съ моими сошколярами, которыхъ здѣсь бѣльшее число обрѣтаеся. Надыбавши одного, скоро zobачиль емь ся съ другими и радующися моимъ посѣщеніемъ обводили мене повсюду, показуючи достопамяшности своего города щи-

роруского. Есть здѣсь сѣмь церквей рускихъ, що
 ни въ одномъ иномъ городѣ Австрійской Руси кромѣ сто-
 лицѣ Львова не найдешь, между тѣми 3 каменныхъ а те-
 перь забираются честныи гражданае и четвертую зъ
 камня созидати въ мѣсто старостью похилившойся де-
 ревянной, и вже много камня назвозили. Кромѣ сего
 обрѣтаеся здѣсь такожде латиньскій костелъ на мѣстци
 розоренной русской церкви, которая хищную зависть
 Латиникѡвъ про тое возбудила, понеже народъ изъ всѣхъ
 сторонъ до сей церкви на богомоленіе сходился. Ратушь
 съ красною башнею, оздобленною годинникомъ красно
 выдаеся въ самой серединѣ мѣста. Отцы Василянне, ко-
 торымъ покойный Игумень Качановскій своими трудами
 Свято-Николаевскій монастырь здѣшній изъ камня по-
 строилъ, пастырюють въ здѣшней парохіи и удержують
 головное училище. Многіи же сынове города сего засма-
 ковавши здѣсь въ книжкахъ и будучи убожествомъ
 къ дѣлательности побужденны, усилюются мужественно
 здобыти якое становище въ умномъ свѣтѣ и многіи
 истинно позанимали значныи мѣстца, въ церкви и дер-
 жавѣ. Еще въ кѡнци не могу молчкомъ переминути здѣ-
 шной церкви св. Георгія, которая весьма вниманія до-
 стойна есть. Она есть построена изъ дерева, но отли-
 чаеся своею великостію и своимъ истинно греческо-

рускимъ видомъ : пять башень, изъ которыхъ середня якъ мать на прочіи позирае, окрашаютъ ю; при сторонѣ отъ сѣверозапада возносятся высокая колокольня. Всѣ же тѣ башони въ видѣ хорошомъ строены, дуже красно выдаются, такъ що тая церковь могла бы за примѣръ создателямъ нынѣшнихъ церквей послужити. За давнихъ временъ обрѣталса здѣсь замокъ укрѣпленный, мѣстящій въ собѣ церковь рускую, которая Ляхами въ костелъ перетворенна зѣстала, якъ уже выше спомнулосьмо. Я былъ бы долше забавился здѣсь, но высувающіися хмары напомнули мя погадати о поворотѣ. И такъ, отведенъ однимъ изъ моихъ друзей за городъ до Тысменицѣ подвоѣль я мои кроки не переправляючися вже якъ передъ тѣмъ черезъ рѣку, но держачися всегда лѣвого берега ей. На сторонѣ видны поблизкіи села Дерзичи, Монастырь. Тримаючися и того правила, щобы тою самою не вертати дорогою, переходилъ я черезъ села Сивкови, Губичи. Пѣдъ самими горами розположилось село красноименое Борислава. Тутъ збирають много смаровила до возѣвъ, такъ званої ропы, которая не такъ якъ смола изъ деревъ сосновыхъ палится, но безъ всякого труд. пріобрѣтаеся. Есть бо вже въ земли пльнность сего рода, а селянинъ тѣлько выкопае яму, узку, кѣлька сяжней глубову,

спускае въ тую яму ведро или иной яковый сосудъ на долгой лѣспѣ, и по короткомъ времени назбираея верхъ воды тая ропа, которую онымъ сосудомъ вытягае; тая ропа употребляея такъ якъ мазь и смердитъ непріятнѣйше, есть рѣдша а мазницы въ сихъ сторонахъ зовутъ ропницами. На возвышенномъ мѣстци стоитъ прекрасна, маленькая церковца и домъ приходника въ романтичeskомъ положенію.

Между тѣмъ сорвался вѣтеръ отъ сѣвера и наносилъ хмары черныя. „Ей, вѣтре, вѣтрило!“ просилъ я, „чомъ господине вѣете такъ насильно, гоня впрость на мя клекотящія хмары, тутъ мене постигнути грозащія? Задержися, Господине, на нѣкое время, доки сихъ горъ не перелечу, или поведи ихъ на просторонный океанъ безденный!“

Но вѣтрило якъ гонило, такъ гонило,
 Чѣмъ разъ близше наносило
 Якъ полночны жары
 Пречорны хмары!“

Въ Мразницѣ, не величкѣмъ селѣ въ горахъ, начало вже кропити а закѣмъ я достался черезъ гору до Сходницѣ, стануль емъ мокрый якъ хлющъ. Но коли вже такъ мае быти, най же буде якъ ся належить, и скинувши зъ себе платье, дальше — гуль въ Тысменицю

вертящуюся промежь горы и вымочивши утомленны члены, попарилъ емь якъ орелъ дальше черезъ горы въ Урѣчь, наганяющу мя къ западу хлившуся солнцу. Добре смерклося, закѣмъ зайшолъ емь до села. И заразы сего вечера подумалъ емь о выбераніюся изъ сихъ сторонъ и намѣрялъ завтрѣшняго дня съ восходомъ солнца пуститись дальше въ путь, не смотря на тое, чи буде погода, чи дождь. Честный священникъ, о которого челоувѣколюбію вже вспоминалъ я, позволилъ миѣ двоухъ сивыхъ коникѡвъ, которыи досвѣта вже осѣдланыи, на своихъ тздокѡвъ ждали, парскаючи изъ нетерпѣливости и тупаючи копытами. Я сталь, оперезался, кивнулъ на паробчака жвавого и — въ кѡлька минутъ сидѣлисьмо на коняхъ и удирали якъ два холостыхъ легиникѡвъ на Свѣчь. Вхалисьмо черезъ Подгородцѣ, потомъ понадъ берегомъ Стрыя, выкрикуючи веселыи коломыйи, то скочныи козаки на перемѣну, усилиуючися велегласный Стрый перемогчи нашимъ сильнымъ пѣніемъ. Въ Крушельницѣ нужно намъ было переправитись черезъ рѣку а стоящи при березѣ перевозники совѣтовали намъ съ много важною миною на тратвѣ переѣхати; но козаки „черезъ воду идуть въ плавъ, черезъ гору перескочь” такъ и мы порнулись съ кѡньми въ шумящи волны и переплывши насмѣялись до волѣ зъ оныхъ совѣтникѡвъ. Крушель-

ница лежитъ по обѣмъ сторонамъ Стрыя и має три церкви, изъ которыхъ маленька каменна на высокомъ берегу красно престольствуе. Дальше переѣхавъсьмо черезъ Корчинъ а потомъ сѣножатъми досталисьмо на мурованую дорогу, которую въ Сколемъ лишилисьмо зъ початку. Сколе есть то послѣдне мѣстечко въ Галичинѣ на Венгерскомъ трактѣ. Оно лежатъ въ узенькой долинѣ, черезъ которую Опоръ, сродникъ Стрыя, плыве; въ коло оточеное есть высокими стромѣнцами Бескидовъ, поросшими чистымъ чернымъ лѣсомъ. Околица здѣшня есть вже бѣльше дякою; дерева ломаются, перевертаются стрѣмголовъ и такъ гинуть; царинъ пріятныхъ, яковыя еще на Подгѣрю обрѣтаются, здѣсь вже не увидишь. Все обстояще есть здѣсь бѣльше диковеличественнымъ. Зъ ѳтти отослалъ емь моего соѣздока съ коньми въ Урѣчъ, а самъ обглянувшись немножко въ мѣсточку семъ, въ которѣмъ ничего замѣчательного не стрѣтилъ емь, стемилъ емь на возвратъ къ Гошеву, где мои манатки лишились. Недалеко Сколего къ сѣверу обрѣтаеся по правой сторонѣ Опора фабрика желѣза, которыхъ въ нашихъ горахъ, желѣзну руду богатыхъ, много находится. Зступилъ емь зъ дороги, дабы обачити, якъ въ таковыхъ фабрикахъ иде.

Изъ гамарнѣ ишолъ я болотнистою дорогою, звертаючися къ востоку. Хотѣлъ емь изъ Сколего черезъ горы на Камянку, Брязу, Поляницю итти, но увѣдавшись, що туда нужно бѣ цѣлый день и то шпарко итти, дабы до Болехова достатись, а вже не за долго надходилъ полудень, менѣ же послѣ вырехованья выпадало до Гошева на нѣчь загостити, протое обралъ емь найкоротшую дорогу, дабы тѣлько скоро спѣшити. Звернувши къ востоку вылѣзъ емь на значную гору, надвѣся на живописный видъ, который въ самомъ дѣлѣ представился менѣ. Подъ мною шумѣлъ Опоръ пѣнячися въ яркотси, на юзѣ синѣлися лѣсистыи верхи, ставляючи свои головы по надъ меньшии поблизкии горы. Долина же прекрасна межи крутымъ Стрыемъ и Опоромъ усмѣхалась живостію солнечныхъ лучей, а Стрый и Опоръ привѣтствующи другъ друга, якъ братья, которые по разъ первый узрѣлися, сливаются въ одно русло. Они оба истекають огъ горы Яворника, Стрый бѣжитъ къ западу а обнявши высокии горы, заступивши ему дорогу, и перейшовши села Вижловъ, Жупанье, Красне, Ластѣвки, Кропивникъ, Долге, Сопоть, Крушельницю, Корчинъ, зробывши зъ кѣлькадесятъ миль и звернувшись межи тѣмъ къ востоку, сходится низше Синевѣдска вышнего съ Опо-

рѣмь, который вышовши къ востоку, и переплывши села О порецъ, Лавочне, Тарнавку, Славско, Тухлю, зъ ѳтки много дерева сплавляютъ, и зачеркнувши Гребеновъ и Сколе встрѣчаея съ Стрысмъ. Се суть мовь два братчики произшедши ѳтъ одной матери, которые скоро въ противныхъ направленіяхъ пускаются въ бѣлый свѣтъ и даже за кѳлька лѣтъ сходятся съ собою. Далше представляла моя картина къ сѣверу Стрый городъ и одну часть долины пѳдгорской, къ востоку же видны были села П о б о къ и Т р у х а н о в ѣ а высоко по надъ лѣсъ стремѣлъ оный камень коло Бубница, о которѳмъ вже споминалисьмо и который менѣ былъ точкою, къ нейже кроки звертати малъ емь. И такъ вытхнувши немножко пустилъ емь ся зъ горы черезъ царины, лазы, лѣсы, потоки, бродячи по поясъ и неотглядаючися въ задъ, по всегда маючи на памяти далекую еще цѣль нынѣшняго путешествія. Переходячи черезъ бѳльшій потокъ ѳтъ иныхъ, скакаючи по каменьяхъ водою несеныхъ, одинъ изъ тѣхже обернулея подъ ногу а я — хлюсть въ воду. Но не лишаючися веселости обтѣпалъ емь ся скоро тай далше въ походъ, солнце же припѣкающе въ округъ высушило на менѣ мокрое платье. Прийшовши до Тысова засталъ емь бладки, по которыхъ черезъ Сукль переходилося, водою позабера-

ныи , а такъ не могучи ніякимъ образомъ перебраться на другую сторону въ село, принужденъ былъ емь драпатися горою понадъ рѣчкою тримаючися лозъ а неразъ и обсуваючися съ ними въ дѳль. Пѳдъ Болеховомъ солнце менѣ запустилось, и я утомленъ далекимъ путемъ по малу лѣзъ емь дальше. Но выйшовши скѳлька сотъ кроковъ за городъ, годѣ было дальше ити и я сойшовши на бѳкъ зъ дороги усѣлъ емь на травѣ, дабы выпочити. Посидѣвши зъ четверть години, усилувалъ емь ся дальше ити, но такъ утружденъ былъ емь, шо ледва ноги за собою влечи здужалъ емь, и ажъ гдесъ коло десятого часа вылѣзъ емь на гору монастырскую, сѣдаючи кѳлька разъ по дорожѣ. Утружденъ въ найвисшомъ степени, казалъ емь собѣ дати зимной воды въ судину, дабы вымочити ноги; но годѣ было чобѳтъ зъ нѳгъ здоймити. Отъ далекой бо и утяжливой дороги а наибѳльше отъ сего, шо не роззутый черезъ потоки переправлялъ емь ся, которыи шо кѳлька кроковъ вертятся, набрешѣли менѣ такъ ноги, шо посидѣвши зъ пѳлъ години тяжело было ноги согнути а служащій хотъ сильный молоденъ не мѳгъ стягнути, ажъ наконецъ нашамотавшися цѣлую годину одинъ здоймилъ а другій со скѳрою здерь до живого. Я скоро всадилъ въ ножникъ задеревѣлыи и покалѣченныи члены и посидѣвши такъ до первого часа по пѳлночи кинулъ емь ся на со-

лону а Морфей скоро обнялъ мене въ свои сильныи рамена такъ, що ажъ по полудни пробудилъ емь ся, Чуючися совершенно исцѣленъ, що водѣ приписати нужно, сойшолъ емь на долину вызираючи яковой способности до дальней вѣзды; но якъ на несчастье або може на счастье, дабы лучше выпочити, не найшолъ емь нѣяковой и такъ принужденъ былъ емь посидѣти кѣлька дней, доки не трафилъ емь въ Суботу с. е 17. Авг. на горожанъ Калушскихъ, прѣхавшихъ здѣсь на богомоленіе. Поблагодаривши за дружелюбное пріятіе всѣмъ я на вѣзъ забравши свои манатки и поѣхалъ емь дальше. Нѣчь захопила мене передъ Калушемъ и я переночовавши въ семъ городѣ и минувши вѣмецкую колонію прѣхалъ емь въ городъ Д о л и н у, въ которомъ головное училище, магистратъ и сольна баня обрѣгаются. Здѣшніи горожане добре вырозумѣли становище и нужду руского народа, тое оказуеся изъ ревности и соучаствованія въ обще полезныхъ справахъ народныхъ. Дальше вѣхалисьмо, лишивши по лѣвой сторонѣ села Раковъ и пр. черезъ Креховицѣ, Голинъ, Поило.

Выйшолъ емь зъ рана на рынокъ и учуль голосъ пріятный звонѣвъ церковныхъ скликуючи православныхъ Христіанъ на Утреню. Было то Преображеніе Господа. Народъ толпами горнулся къ храму Господню. Жители здѣшніи суть

по бѣльшой части заможными , тое заразъ пѣзнати по ихъ красныхъ , чистыхъ одеждахъ , въ которыи пристроевны спѣшили на богослуженіе. Они ходятъ наибѣльше въ синихъ долгихъ капотахъ подперезавшися краснымъ поясомъ. На лицахъ ихъ выразью можъ было чыгати яко есь самосознаніе и честность пробывалась въ всехъ чертахъ лицъ ихъ. Отъ честного священника увѣдалъ емъ ся о ихъ добромъ газдованью , честномъ житью и строго соблюдаемой воздержности отъ горѣлки , що если который зде собѣ поступае , то его нетерпятъ въ своимъ кружѣ и не припускають до соучастія въ справахъ громадскихъ , доки не исправится. Здѣсь праздникъ Преображенія Господня торжествовано съ великимъ веледѣпьемъ и съ даваніемъ салвъ изъ мездѣровъ а я тѣмъ бѣльше урѣчисто праздникъ сей обходилъ припомнувши собѣ , що и въ родинномъ мѣстѣ , въ домѣ родителей моихъ на Спаса храмъ отбываеся. Зъ полудня поѣхалъ емъ такожде на праздникъ до поблизького села , где шо ино не удушенъ былъ емъ множествомъ народа собрашого на богослуженіе. Здѣсь , въ Новици , маючи друга и соученика давного , забавилъ емъ ся весело кѣлька часовъ въ кружѣ честныхъ Русеѣвъ и любезныхъ Русинокъ. Но повертаючи въ ночи заѣхалисьмо въ такое мѣстце въ Ломницѣ , черезъ котору нужно было пере-

ѣзжати, где берегъ стануль передъ нами высокою стѣною, а такъ мы въ опасности были потопати съ кѣлкома брыками якъ Египтяне въ червономъ морѣ. Но выкаратавшись якъ зъ воды, попалисьмо изъ Харибды въ Сцилю и мало що не вкусилисьмо героической смерти въ болотѣ, затарабанившись по уха. Но рука Господня извела насъ и отъ сей опасности, и наставилъ насъ на путь правый. Въ Калушѣ обрѣгаеся фервальтерія, солна баня и училище тривіальное. Три врагъ триумфальныхъ, межи ними рускіи при церкви на гостинци найкрасше пристроенны, виглядали еще отъ весня достойного гостя Его Величества Императора Францъ Иосифа I. и въ осени удостоенъ зѣсталъ городъ благосклоннымъ прибыіемъ Тогожь.

Зѣ Калуша веде дорога черезъ красную окрестность. На дорогѣ лежитъ село Пѣдгорки а Вѣстова за Ломницею подлѣзла пѣдъ невеликую гору. Я здѣсь зѣѣхалъ емъ изъ мурованой дороги и заблвнши недалгій часъ въ Мысловѣ, выѣхалъ емъ мняувши на трактѣ Боднарѣвъ, въ Майданѣ сновъ на мурованую дорогу, на которой еще лежатъ Павельче, а пѣдъ самымъ Станиславовомъ Пасѣчна. Такъ въѣхалъ емъ въ окружный городъ Станиславовъ, который по новомъ устройствѣ краевомъ одну важность съ Краковомъ получиши мае.

Городъ сей лежитъ на красной равнинѣ между объма Бистрицами, которыя въ поближю случаются. Цѣлѣ мѣсто лежитъ якъ на столѣ розположенное. Здѣшня городская церковь съ двома высокими башнями и ратушомъ творять стародавній сей городъ вже зъ далека виднымъ. Такожде обрѣтаеся здѣсь латинскій и ормянскій костелъ. Церковь же старая деревянна стоитъ теперь затворенна зъ причины старенькихъ лѣтъ своихъ. Здѣсь есть высшая гимназія, головное училище, окружное правленіе, магистратъ, судъ форальный и криминальный и велика войсковая больница. Здѣсь мае такожь новое Епископство руское учредитися, которое отъ сего города Станиславовскимъ именоватися буде.

Я остановился въ Креховцахъ, селѣ о четверть милѣ отъ города отлежащемъ, и зъ ѳтти дѣлалъ я вылазки въ цѣлую окрестность. Выпочивши немного поѣхалъ емь въ горы. Изъ Станиславова веде дальше мурованная дорога въ Коломыю черезъ село Креховць, мѣстечко Лисецъ и Богородчаны село Горохолину милю до мѣсточка Надворну и Ланчинъ по правомъ же боцѣ дороги видны села: Загвозде, Пацкѳвъ, съ бумажною фабрикою, Дрогомирчаны, Старый Лисецъ, Старый Богородчаны, Лаховць; по правой же сторонѣ: Опришѳвъ

цѣ, Чукалѡвка, Радче, Іванікѡвка и Пухѡвка. Отъ села Горохолни снуеся вже дорога горниста. Изъ Станиславова въ Коломью ѣдутъ такожь, если погодное есть время и суха дорога, приватною дорогою черезъ мѣстечко Оттынію, лежащую въ половинѣ дороги межи обома городами. Первая моя вылазка звернена была въ Маняву. И такъ зѣхавши за Богородчанами изъ мурованного тракту на десную сторону переѣзжалисьмо за лѣскомъ розложенное село якоесь; по лѣсомъ боцѣ лежали села Сторуна, Монастырчаны, дальше оказовалося село Маркова, недалеко Манявы лежащее. Мѣстечко сіе мае много садовъ и сольную баню. Не задержуючыся здѣсь долго, поспѣшилъ емь съ честнымъ свящ. Солотвинскимъ до Марковы, где пребывалъ мой соученикъ; но не засталисьмо въ дому кромѣ дѣтей никого. Вжесьмо были на возвратномъ пути, якъ нечаянно изъ за горы выѣхала брычка, а сѣдящии въ нейже козаки, выскочивши скоро, кинулись мнѣ въ обятія. И такъ въ мѣсто одного соподвижинка школьного узрѣлъ емь двоухъ, съ радостію привѣствующихъ мене въ сихъ отдаленныхъ сторонахъ. Я присѣлъ съ ними, и весело забавлялисьмося до пѡздой ночи, пригадуючи собѣ розличныи сцены бурлацкіи зъ школярского життя. На другій лень передъ сходомъ солнца

выбралъ емься дальше и за часочокъ узрѣлъ емь развалины Скита, сего величественного монастыря, котораго слава далеко и широко гомонѣла. Лишивши дорогу и перейшовши стѣноть и потокъ Манявку стануль емь скоро предъ звалыщемъ старынныхъ забытковъ и слеза закрутилась въ оку, видячи, якъ велелѣпныи и громогласно-славныи дѣла челоуѣческїи розоряются! При оглядыванїю таковыхъ забытковъ бывальщины преобладаетъ обыкновенно якоесь неизреченное, тужливое чувство душою и челоуѣкъ тронутый до живого стане задревѣлый, гоненъ сумными гадками воображенїа!

Тутъ, где давнѣйше слава Всевышнему голосилася, где тмы темъ народа складало Богу мольбы, где звонъ великаньскїй гудѣлъ велегласно, заходячи до ухъ и о пять або и шѣсть миль отдаленныхъ; тутъ нынѣ совы сумно и пронцательно кричатъ, тутъ блуждаются нынѣ череды пасучися и гноячи сіе мѣстце, где народъ благоговѣйный на колѣнахъ къ жилищу Вышняго приближался, есть дикїй бурянь, а осики лѣзутъ кунно съ плачущою березою на стѣны башень, пороспадавшихся, которыи колись окрасою цѣлой окрестности были. Трогательный воистинну видъ представляется здѣсь зрѣтелю!

Изъ цѣлой велелѣпной обытели лишились еще только на полъ розваленныи стѣны келїи и три башни.

Одна надъ самымъ головнымъ входомъ, котора за колокольню служила, якъ надпись изъ южной стороны звѣщае: Рок у (?) создася колокольня сія коштомъ святыхъ обители сія, которая то надпись мовь дѣло теперѣшнихъ временъ, сдѣлана жолтыми буквами по синемъ дни; другая башня стоитъ по лѣвой сторонѣ выступаючи изъ прочихъ зданій обусторонныхъ; третьяже найвысша о трехъ поверхахъ обрѣтаеся въ самой серединѣ келлій западныхъ. Она мае на стѣнахъ изображенія Иисусъ Христа на сѣверной, а Успенія Пресв. Богородицы на восточной стѣнѣ, надъ которою то послѣднею иконою обрѣтаеся надпись: Живота Мати, тако умирашеи. Синъ сію живота Матерь како воскресаетъ. Низше же иконы суть стихи слѣдующіи:

Не умре но спитъ дѣва жизни Мати,
 Хранитъ бо ю сонъ въ своей благодати
 Дѣву въ рождествѣ живу и по смерти,
 Изволи Нею жало смерти стерти.

Еще низше суть изображенія двухъ чернцѣвъ, и якъ подпись по бѣльшой части затерта создателей сей обители, но живописи сихъ чернцѣвъ мало вже значны. Есть такожь при стихахъ сихъ подписанныхъ и время обновленія монастыря. Исъ церкви стоятъ еще осно-

ванія каменни, самуюже церковь розобрано и спродано до **Надворны**, где до сихъ поръ стоитъ при мурованной дорожѣ. Она была такъ якъ и прочіи, которыхъ здѣсь по окружающимъ возвышеніяхъ кѣлька обрѣталось, изъ дерева. Бѣльше извѣстей о семъ монастырѣ найдетъ любопытный читатель въ брошюрѣ Г. Вагилевича *Monastyr Skit w Maniawie, Lwów 1848* и въ поетическомъ сочиненіи Г. Могильницкаго: „Скитъ Манявскій“.

Замѣчательнымъ есть здѣсь еще эхо, которое произнесенный голосъ кѣлькакратно повтаряе.

О четверть милѣ дальше есть такъ званый „блаженный камень“ с. е. пещера, въ которой, по преданію народа, первыи чернцѣ здѣшніи пребывали, чѣмъ монастырь созданъ.

Изъ Скита пойшоуь емъ въ село Маняву, где разпытавшися о водоспадѣ Манявки, звернулъ емъ ходъ мѣй тамо. Сей водоспадъ, который народъ горскій называе шипомъ, обрѣтаеся добрую милю отъ села отдаленный; идеса первѣе впрость къ западу стежками черезъ лазы, половинны, потомъ звернутись нужно къ южной сторонѣ, а шествіе стаеся чѣмъ разъ бѣльше утрудительнымъ: ведущая бо зъ початку зарослая дорожинка переходить дальше, въ густомъ темномъ лѣсѣ, въ стежку, а дальше и

тая губится, а любопытникъ принужденъ то драпатися по надъ берегъ, то самымъ русломъ Манявки шествовати, скакаючи по рѣчныхъ каменяхъ. Шумъ лебедяшого шипота возвѣстилъ мнѣ вже напередъ, що значно приближилъ емь ся къ нему, и по недолгомъ времени представился самъ чародѣтельный видъ очамъ моимъ. Въ коло стоятъ высокіи верхи, покрытыи чернымъ дикимъ лѣсомъ, по обѣмъ сторонамъ потока возносятся каменнии стѣны и замыкаются отъ юга подобно строю стѣною, а Манявка журчащая помежъ густымъ, непроходимымъ боромъ прійшовши край стѣны восточной, зоскакуе зъ горы съ велегласнымъ шумомъ и зъ такою силою, що ажъ пара зъ воды возносится. По восточной стѣнѣ суть поробленныи въ каменяхъ маленькіи выдолбанья, по которыхъ, хотя съ трудностію, можъ выдрапатися верхъ стѣны, где Манявка якбы на выложенной каменями подлозѣ течеть. Высокость шипота буде выносити до три повершій. Отъ шипота спадае Манявка чѣмъ разъ нисше перевертаючися по степеняхъ каменныхъ, въ руслѣ обрѣтающихся, которіи творять шипоты *en miniature*. Я возвратился на полудень въ село, а зъ ѳтти поспѣшилъ на храмъ до Крехова.

Въ короткомъ времени по сей выѣздѣ выбралъ емся сновь до Перегинска, села лежащего у самой подошвы

горъ высшихъ , затворенного зъ двоухъ сторонъ с. о. отъ востока и запада, низшими подгорскими верхами. Зъ Богородчанъ иде побочная дорога муроваяна черезъ село Ляховицъ , Росольну, Красне, Рожнѣтовъ городокъ и въ Креховицахъ выходитъ сновъ на Станиславовскій трактъ. Сею дорогою и я ѣхалъ , лишаячи на лѣвой сторонѣ села Звѣняче и Космачъ, красно вспинающійся на гору, густымъ лѣсомъ увѣчанну, и Волю Небыловскую , где одинъ честный господарь собственнымъ иждивеніемъ новую красну церковь построилъ. Пôдъ самымъ Перегивьскомъ лежить село Небыловъ , надъ самою Ломницею , котора оба села розграничаеть. Перегивьско есть однимъ изъ наибôльшихъ селъ Галичины, числитъ бо до 4000 душъ заселенія. Оно есть ерекційнымъ селомъ Метрополіи Галицкой , мае училище тривіальное , палату деревянну, где часомъ Метрополить пробувае, который здѣсь такожде мае тартакъ на Ломницѣ, где розличного розмѣра дерева до строенія рѣжутся а съ прибывшюю водою сплавляются на долины. Передъ самымъ тартакомъ есть ставокъ , въ которомъ полно деревъ до тартака прилаженныхныхъ плавае , такъ що выгодно можъ верхъ сего ставу ходити. Кладбище здѣшное красно лежитъ подъ горою , а на найвисшой точцѣ его стоитъ каплица ка-

менна, которую построилъ упокоившійся передъ скѣль-
 ко годами вѣйтъ сего села, въ нейже и похороненъ.
 О семъ вѣйтѣ различни кружатъ помежду народомъ вѣ-
 сти, относительно превеликого имѣнія его. Всѣ почти
 въ томъ согласуютъ, що онъ малъ гдѣсь октрыги зако-
 панныи гроши и такимъ образомъ зосталъ Крезусомъ.
 Онъ былъ благоговѣйный; справилъ великій звонъ до
 Гошева, а другій тойже самой великости до своего села
 Перегиньска; на богомоленіе часто несъ жертвы и самъ
 благоговѣйно присутствовалъ. Дальше за селомъ въ го-
 рахъ обрѣтаеся жупельная купель, которую Архіепис-
 копъ Ангеловичъ ѳткрылъ и къ употребленію при-
 способилъ, отъ негожъ и зовеса „Ангельня”. Лѣ-
 сы Метрополѣтальныи и полонины тягнутса черезъ го-
 ры до самой Угорскѣй границѣ. За древнихъ временъ
 належало до Перегиньского ключа кѣлкадесать селе-
 ній, которыи въ часѣ ляхолѣтія поотбираны и различ-
 нымъ то костеламъ, то почастнымъ лицамъ порозда-
 ванны зостали, а самое Перегиньско ажъ за Австрій-
 скихъ временъ при отновленію метрополіи Галицкой до
 рукъ Митрополита досталося. Хотѣлъ емъ зъ Перегинь-
 ска пойти глубше въ горы, но дощъ кѣлкадневый пре-
 пятствовалъ тому и я возвернулса въ Креховцѣ.

Теперь начерталъ емъ плянь возвратного путешествія

черезъ Бучачъ, Залищики, Чортковъ, Тернополь, Золочовъ, Броды и съ первымъ Сентября хотѣлъ емь пуститись въ дорогу; но семейственныи дѣла станули мѣ перепною и принудили до коротшой и скоршой пути. Еще тѣлько скѣлька дней задержалъ емся въ здѣшнихъ сторонахъ, желая быти на вестлю у давного моего ровесника школьного, которое въ Надворнѣ отбылося. Выбравшись съ однимъ изъ моихъ содоуговъ, пустилисьмося каретою, о 40 оконьцахъ охочо и весело выгукуючи, якъ то молодыи козаки обыкли, на бракъ. Съ начала покрапльовало зъ рѣдка, позднѣйше начала чорная якъ ночь хмара натерати на насъ, мовъ гурма вандальскихъ Татаровъ, а нѣмъ до Быстрыцѣ дотеклисьмо, сыпнула чорна хмара бѣлымъ градомъ такъ, що земля въ мгновенію побѣлѣла, а кульки граду немилосердно насъ затинали, и о очехъ обавлятися сталисьмо, воображая себѣ, якбы на вестлю фигуировати можно съ однимъ або и безъ обѣхъ очей. Въ той опасности сами незналисьмо, що дѣлати, чи скоро паганяти, дабы черезъ Быстрицю перебраться, нѣмъ взросте, чи лучше подъдашокъ оборога утѣкати. Но най насъ никто о некозакватость непосуждае, просимъ, не про себе, но про бѣдныи конята мы то сѣлали. Якъ було, то було, та вже минуло: мы же погналисьмо, скоро тѣлько градъ

перенялся, борзо черезъ рѣку и переѣхавши безопасно русломъ ея, станулисьмо вечеромъ у цѣли нашей вѣзды. Гудьба весело выгравала различныя куснѣ и не за долго пошла всѣ въ церковь ясно освѣтленну на бракосочитаніе. Три священники отправили прскрасно чинъ вѣнчанія, который такъ велелѣпный въ нашомъ греческо-русскомъ вѣроисповѣданію обрѣтаеся. При сей способности придивилъ емься здѣшной церквѣ, которая изъ Скитского монастыря, якъ спомнулисьмо, здѣсь перенесена. Она со всемъ въ греческомъ вкусѣ построена, есть досить просторонна и держится еще крѣпко.

Цѣлый вечеръ и въ поздную ночь гудѣла весело музыка выиграваючи скочины Коломыйки, а яркая молодежь вытинала то гопакы, то пускалась въ присюды, приспѣвуючи красныя сѣванки, истекшіи изъ внутри народа нашего пѣвчого. Забавившись здѣсь, я вервулъ до Креховець, зъ ѳткы еще того самого дня пустилъ емь ся въ дорогу возвратную.

Здѣсь не могу еще не задержатись на часочокъ при миломъ воспоминанію гощенія моего у Всеч. священника въ Лисци. Сей есть истиннымъ священникомъ, пекущимся и трудящимся день и ночь должностями и занятіями чина своего. Въ сихъ годахъ построилъ своимъ стараніемъ церковь значную, хотя теперь такъ тяжело о

конкуренцію; у сего честного ерея найдемъ сочиненія нашихъ отцевъ св. и различные иныя, которыхъ тяжко где узрѣти. Трудился такожъ въ послѣднихъ временахъ движенія нашего составленіемъ учебниковъ русскихъ, не вникая на тое, що честная бѣлость голову украшаетъ. Всегда маѣ мило позостануть въ памяти онія часы, въ которыхъ участвованъ былъ емь сообщеніемъ сего почтеннѣйшого пань-отца!!!

²/₁₄. Сентября о четвертомъ часѣ зъ полудня пустиль емся изъ Станиславова въ дорогу. Я засталъ вже красное множество спутниковъ въ будцѣ, а дощикъ пустился съ нами въ путь, скоро тѣлько городъ опустилисьмо. Но Ребъ Фишель не робячи себѣ ничо зъ того, вытраскивалъ весело батогомъ, брумкаячи себѣ подъ носомъ монотонныя шабашовки; охочіи же молодцѣ въ будѣ второвали ему вупно, и такъ изъ будки сталася сая концертная. На ночь затыгнулисьмо до Подгорокъ, где въ поганой корчмѣ принуждены былисьмо розгоститися. Переспавшися немножко, рушилисьмо до свѣта дальше. За Студѣнкою появилось солнце на пашомъ горизонтѣ. День былъ красный, а вздолжъ Ломницѣ взбились мраки подносящіяся зъ воды. Между тѣмъ, якъ нашъ повозчикъ свои пегазы поилъ, пустиль емся съ однимъ изъ ч. спутниковъ пѣшки на передѣ, дабы тро-

ха перейтися, та покручены въ будѣ ноги выпростовати, щобъ въ долшой дорозѣ не позрасталися. И занимъ будка насъ догнала, мы вже былисьмо подь Войниловомъ. Сіе мѣсточко прекрасно видается отъ южной стороны. Въ немъ отбываются многонародныи торги особливо съ волами. Тутъ стануль и нашъ повозчикъ, дабы не много вытхнути. За Войниловомъ въ селѣ Сѣвкахъ перевезлисьмося на поромъ черезъ Днѣстеръ, который не такъ широкій указался, якъ въ Розвадовѣ, здѣсь бо досить значныи береги заключаютъ его. Онъ пріймае выше Жидачева Стрый и Сѣвчу низше Журавна, выше Галича Ломницу, висше Маріамполя Ворону, а на конецъ обѣ Быстрыцѣ. Здѣсь первый разъ узрѣль емъ, якъ поромъ самъ на рѣку идетъ. Перевозникъ отбилъ его тѣлько отъ берега, а поромъ самъ занесъ скоро на другую сторону. Есть бо такъ прираждено: Грубая, крѣпка ливва идетъ отъ одного берега до другого добре натягнена, поромъ же привязанъ до другой короткой ливвы, которой другій конецъ иде до оной долгой. На томъ концы есть колесце, которое свободно обертается. Коли стже перевозникъ отбилъ поромъ отъ берега, скоро усилуются волны съ собою его понести, но ливва получающая поромъ съ оною великою напряженною, непускае дальше поромъ и посуваеся онымъ

колесцемъ по великой линвѣ, а такъ плыве потомъ чѣмъ разъ дальше. Зъ Войнилова до Бурштына суть двѣ мили, и здѣсь мы обѣдали. Мѣстечко Бурштынъ належало передъ тѣмъ до покойного Графа Скарбка, который много къ поднесенію тогожь причинился. Онъ построилъ въ рынку каменные, хорошіи дома, за мѣстомъ на горбочку создалъ пространный монастырь для черницъ, которыи маются занимати попеченіемъ и плаканіемъ недугующихъ; самъ же рынокъ пріукрасилъ своею красною палатою и огородомъ прехорошимъ. Посѣщеніе сего огорода свободное есть и я пойшолъ придивитись ему. Красныи ходники, осѣняющіи проходящихся тутымъ сводомъ не допускаютъ въ лѣтъ жарѣющаго солнца. Алтаны искусно вырбленныи, вежа о кѣлькахъ поверхахъ съ галеріями, ставокъ съ играющими рыбками различнаго рода творятъ сей огородъ еще занимательнѣйшимъ, а рѣчка претинающая его, оздобленна мостками и маленькимъ поремомъ представляютъ видъ прекрасный. При березѣ стоитъ корабеликъ для любителей мореплаванія, а бѣленькіи, долгошей лебеди оживляютъ рѣчку. Ажъ душа радуется симъ видомъ райскаго парка.

Отъ Бурштына звертаеся дорога къ западу. Въ кѣлька годинъ мы станули въ Рогатынѣ. Изъ сего города происходила наша родимка Роксоляна, которая въ картинахъ русской исторіи споминаеся. Она была дочь священника здѣшнѣго Лисовскаго. При нашествіи

Татаръ взята съ иными бѣлявочками несчастливими въ плѣнъ. Но новеже красотою своею всѣхъ притымила, досталась до сераю султанского, съ которымъ такъ умѣла собѣ поступити, що онъ отпустивши всѣ цвѣти гарема своего, ю едину яко жену задержалъ. Она потомъ имѣла великое вліяніе на султана и выробила не одно полезное дѣло для своего тогдашнѣго отечества. Тутъ былъ корчмарь Славянинъ, и мы весело почовали, видячи всюду порядокъ и чистость. Въ годину по сходѣ солнца мы заѣхали до Перемышлянъ, послѣднѣго мѣстечка на Бережаньско-Станиславскѣмъ тракѣ, которое красно передъ горбочкомъ лежитъ. Зѣ Перемышлянъ я збочилъемъ зѣ тракту.

И такъ оглянувшись въ задъ переѣздилисьмо почавши отъ Станиславова черезъ Пасѣчну, Майданъ, Боднарѣвъ, Вѣстову, Подгорки, Студѣнку, Слободку, городокъ Войшиловъ, Середны, Сѣвки, Долиняновъ, городокъ Бурштынъ, Настащинъ, Юпашковъ, Бабюховъ, городокъ Рогатынъ, Подгородче, Руду, Фирлеевъ, Яночинъ, Бруховицѣ, Зелену, Мерешовъ и городокъ Перемышляны. Изъ Перемышлянъ я зайшодемъ, попрощавшись съ Ребъ - Фишлемъ животястымъ, въ Уневъ, и такъ всту-

пильню въ Золочевскій округъ. Село Уневъ належить до помѣстій Митрополита Галицко-русского, который здѣсь часто пребываетъ. Здѣсь существовала давнѣйше Архимандрія Оо. Василянъ, которыи при здѣшнемъ монастырѣ и типографію удерживали. По знесенію сего монастыря Императоромъ Іосифомъ II. досталась сія волость съ прилежащею Яхторовомъ Митрополіи Галицко-русской вновь обновленной. Оно лежитъ въ веселой долинѣ между невеликими горами и пріятностію положенія своего запрашиваетъ часто своихъ господей, дабы здѣсь въ сельскомъ уединеніи отъ гуркота и шуркота Львовского сходились. Отбывается тутъ ярмарокъ, который при красной погодѣ и цѣлый мѣсяць продолжается, и на который даже заграничныи купцы приспѣваютъ. Изъ Унева я вышелъ тропинкою черезъ красненькій гай, за которымъ лежитъ село Словита, где есть монастырь инокинь Василянокъ, которыи воспитаніемъ молодежи женскаго пола занимаются. Церковь приходска лежитъ прехорошо на горбечку, изъ котораго значную часть долины, отъи починающей, видно. Въ томъ селѣ выйдемъ на Золочевскій трактъ, который по подъ невеликими горами, Верхолаками зваными, весело снуется. Зъ Словиты я зайдемъ до Новоселокъ, лишаячи на лѣвой сторонѣ якоесь село, по правой же Кривицѣ. Новоселки ле-

жаты также красно под горою, и зъ ѳтти красный поглядъ представляется на рѳвнину, но не такъ простран- ный якъ изъ Словити, особенно изъ монастыря, изъ котораго Глиняны, Бускъ, Милатынъ, Яры- човъ съ множествомъ сель однимъ поглядомъ увидѣти можъ. Въ Новосѣлкахъ я переночовалъ. Здѣсь обрѣ- таеся каменная церковь, при которой обрѣтался давнѣй- ше монастырь латинскихъ чернцевъ. Такжеде есть здѣсь монастырь милосердныхъ сестеръ, которыи пле- каніемъ болѣзненныхъ занимаются. Новосѣлки лежатъ на сторонѣ отъ тракту по правомъ боцѣ. Переспавши ся добре, пустилъемся въ дальшую дорогу. На тракть вый- шолъемъ въ О л ь ш а н и ц ь, сель о четверть милѣ отъ Но- восѣлокъ отстоящомъ, где есть почтовая стація. Идучи дальше видно зъ правой стороны село Стѣнку а дальше на горѣ мѣстечко Г о л о г о р ы; зъ лѣвой К н я ж е. Даль- ше на тракть лежитъ село Ляцке, мила отъ Золочева отдаленное, подъ самымъ Золочевомъ Б т а т к о в ц ь и Я с и н о в ц ь.

Скоро зайшолъемъ въ окружный городъ З о л о ч е в ь, где припустку новую пестаралъемся. Здѣсь есть окруж- ное правленіе, магистратъ, училище головное. За мѣ- стомъ обрѣтаеся укрѣпленный замокъ, въ которомъ зля- шившійся король Іоаннъ III. часто перебивалъ; теперь же

обитае въ немъ войско. Здѣсь есть двѣ каменныхъ церкви, третью же начато строить при монастырѣ О. О. Василянъ, который на конци Золочева яри Львовской дорожѣ обрѣтаея; сесь безъ сомнѣня, буде наилучшій монастырь въ нашемъ краѣ, низенькій поподпиранный домъ мѣститъ въ собѣ келліи, а старая церковь деревянна едва стоитъ еще. Въ Золочевѣ дѣлится мурованная дорога на двѣ. Одна веде въ Таринополь, другая же въ вольный городъ торговельный Броды. И сею послѣднюю поторопильемъ дальше. О мило отъ Золочева лежитъ мѣсточко Сассовъ, где обрѣтаея красный огородъ помѣщика здѣшняго. Въ Сассовѣ началось мнѣ смервати, а я пустился дальше, желая затягнути на ночь до Подгорецкого монастыря, но безмѣсячная ночь заступила мнѣ дорогу и принудила мене въ огидной корчмѣ остановитись, въ котрой ни що купити, ни на чемъ спати было. Но въ дорожѣ все пріймати нужно, и я лягъ на смердячомъ столѣ подъ окномъ дѣравымъ и перевертался цѣлую ночь.

Еще все обдержимое было твердымъ сномъ, а Тителъ еще и не гадалъ возъ свой лучеарный смаровати, коли я пустился въ дорогу. По пути стрѣчаемъ нѣмецкіи возы съ товаромъ, высокіи якъ хаты, которыи вертали и въ Бродовъ въ Вѣдень. Скоро заслышалъемъ голосъ мило

звнящаго колокольчика монастырскаго, взывающаго на утрень, и самъ монастырь лежащій по лѣвой сторонѣ дороги указался на мѣрной горѣ. Туда я ходъ мой свернулъ. Засталъ емь на славословіе; по утрени же отправился аваиеть къ пресв. Богородицѣ, въ которомъ и я участвовалъ емь, моя заступницу рода человѣческаго. Хотѣлъ емь розглянутись въ монастырь за яковыми достопамятностями, но неблагоклонно принявъ Игуменовъ опустилъ емь борзо обитель сію. Церковь монастырская отъ внѣ досыть хорошо построена, но внутрь нѣтъ иконстаса, нѣтъ царскихъ вратъ, греческо-рускаго здѣсь ничего, а латинскаго полно. — Село Подгорцѣ лежитъ, якъ то самое имя его сказуеть, нисше горы, на которой возносится красная палата, въ котрой такожь Собѣскій любилъ пребывати. Въ здѣшномъ сборѣ старинныхъ памятокъ обрѣтася столъ мраморный, на которомъ сей король, родившійся въ поблизкомъ мѣстечку Олеску, крещень былъ, и который въ часѣ священнодѣйствія розпукся. Многіи изъ обстоящихъ мовили, що се чимъ не добрымъ ворожить; иныи же толковали, що изъ дитяти щось великаго будетъ. Послѣдствіе показало, що вторыи отгадали; Іоаннъ бо избранъ въ король польскій.

Утро было съ начала прекрасное, но позвѣише повстала такъ густая ирака, що и на десять сяжень не

можь было прозрѣти; а такъ я лишень былъемъ хорошого, живописного виду, который изъ Подгородецкой горы на пространную долину представляется такъ, що зъ ѳтти узришь Броды якъ на долонѣ, Лопатынъ, Соколовку, премногіи села и даже заграничныи горы, къ сѣверу снѣющіися. Тая мракъ однако не долго господствовала, въ годинѣ спала на землю, и веселый ясный день явился снова. Я присѣлъ съ жвавымъ молодцемъ, ѳхавшимъ въ Броды. Переѳхалисьмо Ясиновъ, Суходолы, по сторонахъ лишаючи Дубецко, Поникву и Пониковицю, которые то оба села мають парадіальныи училища, Суховолю и Высоцко, и на одинадцатый часъ закотилисьмося въ Іерусалимъ Галицкій. По улицяхъ тяжко перепхатись, такъ вертятся старозаковныи бородачи, шукая кого отуманити. Всяда представляется образъ полного, звинного житья. Городъ сей мае хорошую церковь каменную, и зъ внѣшности показную и внутрь послѣдними лѣтами вкусно приукрашенную. На западной сторонѣ обрѣтается замокъ древный съ останками укрѣпленій, на сѣверо-востоцѣ лишился еще валъ досыть высокій. Здѣсь есть головное, реальное и дѣвочое училище, магистратъ, російскій консулять и великая комбра мытовая. Городъ погорѣлъ ужасно въ 184* годѣ, когда то блиско половина его въ пепель обратилась, од-

нако до теперъ по большой части снова отбудованъ. —
 Еще того самого дня поѣхалъ дальше, желая на самъ
 праздникъ рождества Пресв. Богородицы нечаянно моихъ
 родителей повитати. Въ Берлинѣ, где обрѣтается комора
 мытова, принужденъ былъ емъ долшій часъ задержатися,
 занимъ пропустку подписано мнѣ. Я намѣрилъ емъ на ночь
 въ Станиславчику станути, и распустивши ноги далъ емъ
 драпака, хотячи на крылахъ взлетѣти и подъ родинну
 стрѣху достатися; но ночь заскочила мене въ лѣсѣ.
 Доки ишла просто вырубанная дорога, то еще сякъ
 такъ было, но наконецъ и сей линіи не стало, а я по-
 кусившися дальше ити потемки, но едва зробилъ коль-
 ка шагѣвъ, якъ немилосердно стрѣгидся дубъ со мною,
 такъ, що ажъ свѣчки мнѣ въ очехъ станули, и принудилъ
 мене въ задъ ретероватися. И такъ вернувшися на линію
 сталъ емъ сюда и туда прохаждатися, надставляючи уха, чи
 не надѣйде кто. Но даремны были мои ожиданія, и кѣлька
 часовъ преминуло, а никто не являлся. Въ томъ непри-
 ятномъ состоянію не лишилось мнѣ ничо пняго, якъ но-
 чевати въ семъ великомъ борѣ. И такъ зложивши ма-
 натки на землю, усѣлъ емъ подъ деревомъ развѣтвеннымъ
 операяся о нее. Вътеръ восточный порозганялъ мало по-
 малу хмарки насувающіяся, и зорки начали сверкати,
 а роса шелестѣла спадаючи на ластье деревъ. Дикій

голосъ совы розлягался сумно по лѣсѣ, въ противной же сторонѣ раздавался навѣтъ племянникъ ея, а маленькіи пернаты ночныи пищали надо мною, трѣпотая крыльцами по галузяхъ. Часомъ зашелестѣла долгохвоста яка птишина. — Я все споглядалъ къ востоку, чи не начинается свѣтати, но пусто силилемъ очи, не хотѣло и не хотѣло прояснитись. И запустилъ емся въ глубокую думку, глядая въ ясныи зорки, мило мрѣющіи на сводѣ небесномъ, а духъ мой взбился въ вышину песенъ на крылахъ Серафима, и вижу въ едва дозрѣтельной низи пространную крайну, въ нейже спостерѣгъ емъ людей безъ числа, подъ якимись тягарами похиленныхъ, усилиющихся шо хвилѣ выпростоватися, но бремя за тяжко тяготать на нихъ, и годѣ имъ поднестись, только стонъ душу крающій внутрь роздерающій розлягся въ коло, и жалостно мнѣ зробилось. Въ то время зайшолъ мило звенящій голосъ до мене: „Глянъ! Се твой родимецъ, се твой народъ, твой любимый народъ нуждается такъ!“ И чувство печальное розгорилось во мнѣ. „Жертвуйся имъ“, загудѣлъ громко иный голосъ, проницающій мя скрѣзь. Втомъ тронула мя сильно невидимая рука и я началъ въ долину спадати, и громъ напрасный, якбы сто хмарь разомъ преломилось, заворкотѣлъ ужасно встрясая весь воздухъ.

Я пробудился. Шишка снадша изъ сосны въ простъ на мой капелюхъ, задержалась на крысахъ, а капли зимной росы стекали по лицъ моему. Почульемъ студень по всемъ тѣлѣ, дрошь телепла мною, якъ вѣтеръ осиковымъ листемъ, и прійшло бы може и закостнѣти здѣсь, если бы мѣсячокъ, другъ любящихся и странствующихъ, котырый между тѣмъ зойшолъ, не былъ снадъ мною умилосердилъ и мене изъ сего становища вывелъ.

Было по полночи; косарѣ вже высоко выдрачалгсь. Я всталъ, схопилъ манатки подъ паху, поднялъ лѣсбу и перекре стившиися (якбы кто наклалъ мнѣ) — влѣземъ въ болото такъ, що за холявы наліялось, ступилъ дальше ноговъ, еще глубше загрязъ въ трясавинѣ. Но козакъ ничо не зважаеть, парить и парить, куда ему дорога стоить, и я вылѣзше стрѣпнулся, тай подрулился дальше. Лѣсъ началъ рѣднѣти; я съ радостію спѣшилъемъ, надѣяся конецъ сего лѣса достигнути. Но то былъ только дугъ середъ лѣса на мочарахъ. Доти ишла утѣджена дорога, но теперъ урвалась губячися въ слѣдахъ возовъ, на всѣ стороны расходящихся. При такомъ большинствѣ дорожинъ, думалъемъ наилучшимъ быти середною, въ простъ идушою, пуститися. Но пойшовше колька шаговъ, и слѣду не стало. Пойшовъемъ другимъ

и залѣзъ въ болото, пойшоу третимъ и завелъ мене до стожка сѣна. Сновь вертайся, та гляди иной дороги; наконецъ выйшоуемъ якое щастливо изъ сего лабиринта и достался на простую черную прорубану которую ишоуемъ, ишоу и еще ишоу, ажъ двѣти начало.

О сходѣ солнца зайшоуемъ до Станиславчика. Станиславчикъ есть лихое мѣстечко, три миль отъ Бродовъ отдаленное, лежитъ середь великихъ, багнистыхъ лѣсовъ, которы почти изъ всѣхъ сторонъ его окружаютъ, и только на юзѣ оказывается якое незнакомое мнѣ село черезъ узкую розстайность лѣса, куда Стырь густой течетъ. Одно, що здѣсь достопохвально примѣтити можъ, есть училище тривіальное, которое за попеченіемъ здѣшного чест. священника учрежденно и отъ многихъ дѣтей съ пользою посѣщается. Первое лице, которое при самомъ вступленію стрѣтилъемъ, былъ хлопчикъ невеличкій. Попыталъемъ его, куда идетъ она дорога? На що смѣло отвѣтилъ мнѣ: „А вы не умѣете читати? Осъ тамта таблица пишетъ: „Дорога до Золочева.“ Я урадовался дуже такимъ отвѣтомъ мальчика и запустился съ нимъ въ разговоръ: чи мають училище, чи много дѣтей учатся, на що мнѣ хорошо отвѣчалъ. На вопросъ же мой, чи цѣлый скончилъ букварь, сказалъ съ якимсь то презрѣтельнымъ

взоромъ: „ Вотъ го, я вже и часословъ до дошки выучилъ, а теперь буду ся до псалтари брати! Погласкавши малого заохотилъемъ до дальшой науки. — Здѣсь пребываетъ одинъ изъ солавочниковъ моихъ, до которого удалъемся. Но не заставши го дома, лишилъемъ картинку: „ Паря зъ верховинъ Бескида въ своясы, оставляю ти писемно дружеское цѣлованіе. Твой другъ “ —

Покрѣпившия въ семь мѣстѣ и выпочивши немного розпустилъемъ всѣ ноги, дабы скоро прибыти въ обятія ожидающей мя родины; но нѣмъ зъ лѣса выйшолъемъ, было коло второго часа зъ полудня. Лишилъемъ по лѣвой сторонѣ Оглядовъ и Крыве съ Красною, съ построенною въ ротунду церковью, по правой же Средопольцѣ, прибылъемъ, Радиховъ, о добрую милю отъ родинного мѣста отдаленное мѣстечко, въ которомъ шо другій четверть многолюдныя ярмарки отправляются. Зъ отти зъ милю къ сѣверу лежитъ мѣстечко Стояновъ, а полъ милѣ дальше тягнется граница государства російского, за которую видно мѣстечко Дружкополь. Изъ Радихова я приспѣлъ на крылу вѣтренню въ родинное мѣстечко Витковъ въ двѣ годинъ по заходѣ сонця. Превеликую радость справилъемъ моимъ прибытіемъ родинѣ, котора выглядая мене ежедневно а немогше дочекатися, наконецъ начала и усомнѣватися о моемъ прибытіи.

Переспавшися смачно, бо подъ родинною стрѣхою, пойдёмъ рано въ церковь поблагодарити Вышнему за щастливое возвращеніе.

Было то 20. Сентябра, у Руси праздникъ Рожд. Пресв. Богородицы. Въ поблискомъ селѣ содружалась знаема мнѣ дѣвица. И я хотя не вычасовался, поѣхалъ съ колькома охочими молодцами на бракъ, где весело забавильемся пару дней. Посѣтивши моихъ сродниковъ, знаемыхъ блисше и друзей и выпочивши отъ тягостного путешествія въ крузѣ любезной родины, нужно было сновъ забратися до Львова; время бо вакацій уже преминуло, а новое теченіе школьное начиналось. Зѣ Вяткова числятъ до Львова осмь миль добрыхъ. Выѣхалъ коло полудня и переѣхавши Станинъ, Павловъ, городокъ Холоевъ, погорѣвшій въ 1849 годѣ, Сѣлецъ, где переѣхалисьмо греблею черезъ Бугъ, починающійся въ Верхобужи, селѣ зѣ южной стороны Бродского тракту между Золочевомъ и Бролами лежащомъ. Сія рѣка перетинаеть въ Галиціи Золочевскій округъ и кусень Жолковского, творитъ предѣль между россійскою границею черезъ сколько миль, звергається потомъ къ сѣверу и входитъ въ Модлинъ въ Вислу. Много збѣжа, особенно пшеницѣ и великіи бабѣ деревъ сосновыхъ провадятъ галиційскіи дѣдичи Бугомъ що весны даже въ самъ

Бальтикъ, до Гданьска, а за тое неразъ въ нашомъ краѣ дорожна взмагается. Но многіи зъ тыхъ пановъ своей корысти глядятъ, а крестьяниъ най я здохне зъ голоду! — На сей рѣцѣ лежатъ мѣста: Сассовъ, Бѣлыѣ камень, Бускъ, нѣкоторыми Галицкою Венеціею новокрещенный, Камянка, городъ давнѣйше укрѣпленный, Добротворъ, Кристинополь и Сокаль.

Дальше за Сѣлцемъ зъ правого боку Буга лежитъ Руда, изъ сейже стороны протянулось по надъ берегомъ село Ланы. Въ послѣднихъ селахъ возносятся при дорозъ красныи памятники 3. Мая, изъ камней созданныи. Въ Камянцѣ ночовали сѣмо въ лихой жидѣвской австеріи. Зъ отти въ Львовъ можно двойною дорогою ѣхати. Одна веде черезъ Бытятичи, пространное село, Зѣбулки, Нагорцы, городокъ Куликовъ, изъ отти трактомъ черезъ Дорогошовъ, Грыбовичи, Збонска въ Львовъ. Друга же, особенно въ зимовой порѣ придатна, веде черезъ колонію нѣмецку Сапѣжанку, села Новыѣ ставъ, Честынье, Колодно, городокъ Кукизовъ, где передъ тымъ пребывали Карайми, секта Еврейска, занимающаяся земледѣльствомъ, дальше есть Запышовъ, Подѣски и выходитъ мило передъ Львовомъ, недалеко села Гряды, на муро-

ваную дорогу, проводящую через Куликовъ, Жолкву, Раву до Варшавы.

8. Ноемвр. прибылемъ въ Львовъ и записался снова въ число слушателей здѣшняго всеучилища. — Въ свободныхъ годинахъ мало споминаю преминувшее лѣто, въ которомъ былъ такъ счастливъ, придивившись ближе въ лице прекрасной русской краинѣ, въ которомъ позналъ ближе нравы и обыкновенія нашего народа, ознакомился по части съ его житьемъ — бытемъ, прислухался его милозвучной бесѣдѣ, наслаждался его простодушнымъ, самотворнымъ сладкопѣніемъ и засумовался не однимъ забыткомъ минувшей древности, промавляющей живо до насъ, и голосащимъ о прадедной нашей славѣ! —

Дастъ Господь, то колись больше и лучше приглянемося любезной матери нашей Руси святой. —

Львѣгородъ въ день празд. св. Михаила Архист. 1851.

